

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

МАГАЗИН У ДОРОГИ

Мария Марцева

Мария Марцева

**Криминальные истории.
Магазин у дороги**

«Автор»

2026

Марцева М.

Криминальные истории. Магазин у дороги / М. Марцева —
«Автор», 2026

Тихие дачные посёлки, придорожные магазины, элитные новостройки и глухие деревни — за обыденностью этих мест скрываются хладнокровные расчёты, застарелые обиды и смертельная жадность. В сборник вошли десять остросюжетных историй о работе следователей Центра криминалистических исследований. Рыбак, утонувший «по неосторожности», но с раной от весла на затылке. Пассажир, исчезнувший из запертого ночного поезда. Шеф-повар, заколотый на собственной кухне. Бомба в подарочной коробке ко дню рождения. Женщина, упавшая с балкона, — самоубийство или убийство? Каждое преступление поначалу выглядит несчастным случаем или простым ограблением. Но опытные следователи знают: совпадений не бывает. По микроскопическим уликам — щепке в ране, отпечатку на пломбе, чеку из магазина радиодеталей — они шаг за шагом восстанавливают правду и выводят на чистую воду тех, кто решил, что чужая жизнь дешевле денег. Атмосферные детективы — для всех, кто любит распутывать дело вместе с героями.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Озеро у дачи	5
Глава 1. Утопленник	5
Глава 2. Удар по голове	9
Глава 3. Спор о земле	13
Глава 4. Лодка	17
Глава 5. Удар веслом	21
Билет на поезд	25
Глава 1. Пропажа пассажира	25
Глава 2. Купе	29
Глава 3. Попутчики	33
Глава 4. Долг	37
Глава 5. Ночное нападение	41
Кухня ресторана	45
Глава 1. Повар мёртв	45
Глава 2. Острый нож	49
Глава 3. Зависть	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Марцева

Криминальные истории. Магазин у дороги

Озеро у дачи

Глава 1. Утопленник

Утро на Сосновом озере выдалось таким, какие бывают только в конце августа, — прохладным, с молочным туманом, что стелился над водой плотным одеялом и нехотя расступался под первыми лучами солнца. Дачный посёлок Тихие Зори ещё спал. Лишь где-то перекрикивались петухи да поскрипывала калитка на ветру. Тишина стояла такая, что слышно было, как капли росы срываются с малиновых кустов и шлёпаются в траву.

Эту тишину и нарушил душераздирающий женский крик.

Кричала Антонина Гавриловна Бубенцова — дородная пенсионерка лет шестидесяти пяти, владелица крайнего участка, того самого, что упирался в пологий песчаный спуск к воде. Она вышла спозаранку набрать воды для полива, как делала каждое утро вот уже пятнадцать лет, наклонилась с ведром к мосткам — и обомлела.

В двух метрах от берега, среди прибрежных камышей, лицом вниз покачивалось тело. Мужчина в брезентовой куртке цвета хаки, в высоких резиновых сапогах. Руки его были раскинуты, и течение, слабое, едва заметное, легонько колыхало их, отчего казалось, будто покойник машет кому-то на прощание. Рядом, зацепившись бортом за корягу, стояла перевёрнутая удочка, а чуть поодаль на воде покачивался красно-белый поплавок.

— Ой, батюшки! Люди добрые! Утоп! Утоп кто-то! — Антонина Гавриловна выронила ведро, которое с глухим стуком покатилося по мосткам, и заметалась по берегу, прижимая руки к груди.

На крик из соседних домов высыпали дачники — кто в халате, кто в трико, заспанные, перепуганные. Первым к воде подбежал крепкий мужчина в тельняшке, бывший моряк Степан Лукич, живший через два участка. Он скинул тапки, зашёл по пояс в холодную воду и, кряхтя, подтянул тело к мосткам. Вдвоём с подоспевшим соседом они вытащили грузного утопленника на песок и перевернули.

Лицо у покойного было синюшное, отёкшее, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами. Глаза полуоткрыты, рот забит тиной.

— Так это ж Седов! — ахнул кто-то из толпы. — Пашка Седов, рыбак наш!

— Точно он, — подтвердил Степан Лукич, утирая мокрое лицо. — Сапоги его, куртка. Видать, с утра пораньше на рыбалку вышел, как всегда. Да и оступился. Берег-то скользкий, мостки гнилые.

Толпа загудела. Павла Седова в посёлке знали все. Мужик пятидесяти двух лет, заядлый рыбак, который не пропускал ни одной зорьки. Бывало, ещё затемно сидел на своей лодке посреди озера, и силуэт его, неподвижный, как изваяние, маячил в тумане до самого рассвета. Жил он на даче почти круглый год — после развода с женой перебрался сюда из города окончательно, развёл огород, держал кур и, кажется, был вполне доволен своим уединённым бытом.

— Говорила я ему, говорила, — причитала Антонина Гавриловна, которую отпаивали валерьянкой на лавочке, — выпиваешь, мол, Паша, а потом на воду лезешь! Утонешь когда-нибудь! Вот и накакала, прости господи!

— Да трезвый он был мужик, — буркнул Степан Лукич. — За все годы я его пьяным и не видывал. Странно это.

Кто-то уже вызвал полицию. Через сорок минут на пыльную дорогу посёлка свернул потрёпанный уазик участкового, а следом — белая «Газель» с надписью «Центр криминалистических исследований». ЦКР подключали к делам, где обстоятельства смерти вызывали хоть малейшие сомнения, и в это августовское утро дежурная группа выехала по сигналу о «возможном несчастном случае на водоёме».

Из машины первым выбрался следователь — высокий, поджарый мужчина лет сорока с небольшим, в светлой рубашке и тёмных брюках. Звали его Артём Вадимович Горецкий. Лицо у него было усталое, с резкими складками у рта, а взгляд — цепкий, внимательный, такой, что под ним хотелось невольно выпрямиться и перестать сутулиться. За ним выпорхнула молодая женщина с короткой стрижкой и тяжёлым чемоданчиком — судебный медик-эксперт Вероника Сташевская, гроза всех халтурщиков и любительница доводить дело до последней запятой. Замыкал процессию криминалист Денис Кораблёв — добродушный круглолицый парень с фотоаппаратом на шее и неизменной жвачкой за щекой.

— Так, граждане, попрошу всех отойти от воды, — негромко, но твёрдо произнёс Горецкий, и толпа дачников послушно подалась назад. — Место осмотра не топтать. Кто обнаружил тело?

— Я, я обнаружила, — Антонина Гавриловна поднялась с лавочки, комкая в руках мокрый платок. — Воды пошла набрать, гляжу — а он плавает. Господи, страх-то какой.

— Во сколько это было?

— Да часов в шесть. Может, в начале седьмого. Я рано встаю, огород полить.

Горецкий кивнул, делая пометку в блокноте, и присел на корточки рядом с телом. Вероника Сташевская уже натянула резиновые перчатки и склонилась над покойным с другой стороны.

— Ну, что скажешь? — спросил следователь.

— Пока предварительно. — Она приподняла веко покойного, осмотрела лицо, оттянула воротник куртки. — Мужчина, около пятидесяти. Признаки утопления налицо — пена у рта, тина в дыхательных путях, характерный цвет кожных покровов. Трупное окоченение выражено. В воде пробыл, думаю, часа три-четыре, не больше. То есть умер где-то на рассвете, между четырьмя и пятью утра.

— Самое рыбацкое время, — заметил Степан Лукич, который, несмотря на просьбу отойти, торчал поблизости. — Клёв на зорьке самый верный.

— Гражданин, я же просил, — Горецкий поднял на него глаза.

— Молчу, молчу. — Моряк отступил, но уходить не спешил.

Денис Кораблёв деловито обходил берег, щёлкая фотоаппаратом. Снимал мостки, песок, перевёрнутую удочку, поплавок на воде. Потом присел у самой кромки и присвистнул.

— Артём Вадимович, гляньте-ка. Следы тут. Только странные.

Горецкий подошёл. На влажном песке у воды отпечатались следы сапог — много, в разных направлениях. Но среди них криминалист указывал на нечто иное.

— Вот эти — его, Седова, сапоги, рисунок протектора крупный, «ёлочка». А вот тут, видите, ещё одни. Поменьше размером, подошва гладкая, городская обувь. И ведут они от воды к тропинке. Свежие.

— Мало ли кто тут ходит, — пожал плечами следователь. — Полпосёлка сбежалось, пока мы ехали. Затоптали всё.

— Так-то оно так, — согласился Кораблёв, не отрывая взгляда от земли. — Только эти следы поверх росы. А роса легла до того, как народ собрался. Понимаете? Кто-то был тут на рассвете. Когда Седов ещё, может, и живой был.

Горецкий нахмурился, обвёл взглядом озеро, дачи, тёмную стену леса за ними. Сосновое озеро было невелико — с одного берега виден другой, метров триста, не больше. Тихое, заросшее по краям камышом, с песчаным дном у пляжа и тёмными омутами в дальнем конце.

Идеальное место для рыбалки. И, как теперь подсказывало следовательское чутьё, не самое плохое место, чтобы спрятать концы в воду.

— Где его лодка? — вдруг спросил Горецкий.

Дачники переглянулись.

— А и правда, — протянул Степан Лукич. — Лодка-то его где? Он же без лодки на рыбалку — ни ногой. У него казанка была, дюралевая, серая. Где-то на том берегу обычно держал, в камышах привязывал.

— Вероника, — Горецкий повернулся к эксперту, — закончишь с предварительным — займись подробно. А ты, Денис, прочеши берег, найди эту лодку. И следы зафиксируй, все до единого. Гипс возьми, слепки сделай с этих, городских.

— Думаете, не сам он утоп? — тихо спросил Кораблёв.

Следователь помолчал, глядя на синее лицо покойного рыбака.

— Думаю, рано думать. Но что-то мне это утро не нравится. Уж больно тихо.

Тело Седова аккуратно переложили на носилки, накрыли. Антонина Гавриловна снова всхлипнула. Толпа дачников провожала носилки взглядами, перешёптывалась. И в этом перешёптывании Горецкий, обладавший острым слухом, уловил обрывок фразы, брошенной кем-то вполголоса:

— Вот и доспорился, бедолага. Допрыгался со своим участком.

Следователь резко обернулся.

— Кто это сказал? Про какой участок?

Толпа притихла. Никто не сознавался. Дачники отводили глаза, переминались с ноги на ногу. Деревенская солидарность, помноженная на страх перед погонами, делала своё дело — языки прикусили намертво. Наконец из-за спин выступила сухонькая старушка в цветастом платке, бабка Лукерья, известная на весь посёлок тем, что знала всё про всех.

— А чего скрывать-то, — проскрипела она, опираясь на палку. — Всё одно дознаетесь. Судился наш Пашка. С соседом своим, с Виталькой Корчагиным. Из-за земли судился, из-за того самого спуска к воде, где Антонина утопленника-то и нашла. Лютая у них вражда была. Лютая.

— А где живёт этот Корчагин? — Горецкий насторожился.

— Да вон, через забор от Седова. Участок угловой, с зелёной крышей. — Бабка Лукерья махнула палкой в сторону добротного дома, что стоял чуть выше по склону. — Только нету его сейчас. Машины-то его не видать. Уехал, что ли, спозаранку.

Горецкий проследил за её жестом. Дом с зелёной крышей смотрел на озеро тёмными окнами. Калитка была заперта, во дворе ни души. И впрямь — будто хозяин куда-то спешно отлучился. На рассвете. Как раз тогда, когда умер Павел Седов.

— Денис, — негромко позвал следователь. — Слепки со следов в первую очередь. И с обуви этого Корчагина потом сверим. Чует моё сердце, не пустая это болтовня.

— Думаете, сосед? — Кораблёв перестал жевать.

— Думаю, что несчастный случай на воде с раной на затылке — это уже не несчастный случай, — отозвался Горецкий.

— Так нет пока никакой раны на затылке, — удивился криминалист.

Следователь усмехнулся уголком рта и кивнул в сторону уезжающей «Газели» с телом.

— Будет, Денис. Вот увидишь. Вероника своё дело знает. Если человека стукнули перед тем, как он оказался в воде, она это найдёт. Всегда находит.

Он ещё раз окинул взглядом озеро, затянутое тающим туманом, перевёрнутую удочку, пустые мостки. Что-то здесь было не так с самого начала. Трезвый, опытный рыбак, знавший это озеро как свои пять пальцев, вдруг тонет на ровном месте, у самого берега, где воды-то по грудь. Лодка пропала. На песке — чужие следы, оставленные на рассвете. А по соседству

— враг, судившийся с покойным из-за клочка земли у воды, который как сквозь землю провалился именно этим утром.

Совпадений было слишком много. А следователь Артём Горецкий за пятнадцать лет работы в ЦКР твёрдо усвоил одну истину: совпадений не бывает. Бывают плохо замаскированные преступления.

— Опросите всех соседей, — распорядился он, обращаясь к участковому, румяному молодому лейтенанту по фамилии Пшеничный. — Кто что видел, кто что слышал этой ночью и под утро. Особенно интересует, когда уехал Корчагин и не было ли между ним и Седовым ссоры в последние дни. И найдите мне адрес и телефон этого Корчагина. Будем искать.

— Есть, товарищ майор, — козырнул Пшеничный и побежал выполнять.

А Горецкий остался стоять на берегу, заложив руки за спину, и смотрел на воду. Озеро лежало перед ним тихое, гладкое, невинное. Но следователь знал: тихие воды хранят самые мрачные тайны. И эту тайну ему предстояло вытащить со дна — чего бы это ни стоило.

Солнце наконец разогнало остатки тумана, и над Сосновым озером встал ясный, погожий день. Только Павлу Седову до этого дня уже не было никакого дела.

Глава 2. Удар по голове

Морг Центра криминалистических исследований встретил Артёма Горецкого привычной прохладой, запахом формалина и резким светом люминесцентных ламп, отражавшихся в кафельных стенах. Следователь не любил это место — да и кто его любит? — но за пятнадцать лет работы привык к нему так, как привыкают к неудобному, но необходимому инструменту. Именно здесь, на холодном секционном столе, тела рассказывали свои последние истории. И рассказывали честнее любых свидетелей.

Вероника Сташевская стояла у стола, склонившись над телом Павла Седова, и что-то диктовала в висевший на штативе микрофон. Услышав шаги, она подняла голову. Лицо у неё было сосредоточенное, а в глазах горел тот самый азарт, который Горецкий научился распознавать безошибочно: эксперт что-то нашла.

— А, Артём Вадимович. Лёгко на помине. Я как раз собиралась тебе звонить. — Она стянула одну перчатку и кивнула на тело. — Помнишь, ты вчера на берегу пророчил рану на затылке? Так вот, поздравляю. Ты у нас провидец.

Горецкий подошёл ближе, заложив руки за спину — старая привычка, чтобы ничего не трогать в чужой вотчине.

— Нашла, значит.

— Нашла. — Вероника обошла стол и аккуратно повернула голову покойного набок, разделив пальцами слипшиеся седоватые волосы на затылке. — Гляди сюда. Видишь?

Следователь наклонился. На затылочной части головы, чуть выше шеи, кожа была рассечена. Рана небольшая, сантиметра три, с неровными, словно разорванными краями. Вокруг неё кожа набухла тёмным кровоподтёком.

— Рваная рана мягких тканей, — продолжала эксперт деловито. — А под ней — вот тут пришлось повозиться — трещина затылочной кости. Закрытая черепно-мозговая травма. Удар был сильный, нанесён сзади и чуть сверху вниз. Тупым тяжёлым предметом с продолговатой, слегка изогнутой поверхностью.

— Камень? — предположил Горецкий. — Берег каменистый местами.

Вероника покачала головой и подняла указательный палец — жест, означавший, что сейчас последует самое интересное.

— Вот и я сперва подумала на камень. Но нет. Смотри, какая характерная форма повреждения — узкая, продолговатая, с чётким ребром. Камень дал бы рану рваную, бесформенную, с осколочными вдавлениями. А тут — будто ударили чем-то вроде доски или палки. Ребром. И ещё. — Она отошла к лотку с инструментами и принесла небольшой пинцет, в зажиме которого что-то блестело. — Вот это я извлекла из раны. Застряло в краях, в самой глубине.

Горецкий прищурился. В пинцете лежала тонкая щепочка — крошечный обломок дерева, светлый, с прилипшими частицами чего-то серовато-голубого.

— Дерево, — констатировал следователь. — И краска?

— Не просто краска. — Вероника поднесла щепку ближе к свету. — Я взяла соскоб, отдала Денису на анализ, но и так скажу — это специальная влагостойкая эмаль. Такой красят то, что постоянно в воде. Корпуса лодок. Вёсла. — Она сделала многозначительную паузу. — Артём, его ударили деревянным предметом, покрытым лодочной краской. Сзади. По затылку. Со всей силы.

В морге повисла тишина, нарушаемая лишь монотонным гудением вентиляции. Горецкий медленно выпрямился. Версия о несчастном случае на воде, и без того хлипкая, рассыпалась окончательно. Дело можно было официально переквалифицировать в убийство.

— А вода? — спросил он. — Утопление ты вчера подтвердила. Так он утонул или его убили ударом?

— Хороший вопрос. Правильный. — Вероника снова накрыла тело простынёй до груди и оперлась о край стола. — И ответ тебе не понравится своей жестокостью. Он утонул. В лёгких — вода, причём именно озёрная, с характерным планктоном и взвесью, я под микроскопом смотрела. Значит, в момент попадания в воду он был ещё жив и дышал. Но! — Эксперт снова подняла палец. — Удар по голове был нанесён прижизненно, за несколько минут до утопления. Понимаешь, что это значит?

Горецкий понимал. И от этого понимания по спине пробежал неприятный холодок, какой бывает даже у выдавших виды следователей.

— Его сначала оглушили, — глухо произнёс он. — А потом бросили в воду. Без сознания. И он захлебнулся, не приходя в себя.

— Именно. — Вероника кивнула. — Удар сам по себе смертельным не был — трещина кости, сотрясение, потеря сознания, да. Но не смерть. Убила его вода. А вода оказалась там потому, что кто-то оглушил здорового пятидесятидвухлетнего мужика веслом или доской по затылку и столкнул беспомощного в озеро. Это не несчастный случай, Артём. Это хладнокровное, расчётливое убийство.

Следователь прошёлся вдоль стола, заложив руки за спину, обдумывая услышанное. Картина в его голове складывалась мрачная, но всё более чёткая. Рыбак вышел на зорьке к воде. Кто-то подошёл сзади — значит, либо подкрался, либо это был человек, которого Седов знал и не опасался, потому и повернулся спиной. Удар. Тело в воде. Убийца уходит, оставляя на росистом песке те самые городские следы.

— Время смерти подтверждаешь? — уточнил Горецкий.

— Подтверждаю. Между четырьмя и пятью утра, плюс-минус. Рассвет. — Вероника помолчала, наблюдая за следователем. — Ты уже знаешь, кто это сделал, да? Я тебя знаю, Артём. У тебя такое лицо, будто ты картинку до половины собрал.

— Знаю, на кого думать, — уклончиво ответил он. — Сосед. Корчагин. Судился с покойным из-за участка, исчез на рассвете в день убийства. И главное — орудие. Лодочная краска. У Седова была лодка, которая бесследно пропала. А весло от лодки — чем не дубина?

— Логично, — согласилась эксперт. — Но логика — это ещё не доказательства. Краска на щепке — общая, такой полстраны лодки красит. Нужно само весло. Или сама лодка. Найдёте — сравним краску, древесину, форму повреждения. Тогда это будет уже не версия, а гвоздь в крышку гроба убийцы.

— Найдём, — твёрдо сказал Горецкий. — Денис как раз озеро прочёсывает.

Словно в ответ на его слова, дверь морга распахнулась, и на пороге возник Кораблёв — раскрасневшийся, запыхавшийся, с прилипшими ко лбу волосами. Жвачку он, против обыкновения, не жевал, и это означало, что новости важные.

— Артём Вадимович! Вероника! — выпалил он с порога, переводя дух. — Я с озера. Мы лодку нашли!

— Где? — Горецкий резко обернулся.

— В дальнем конце, в камышах, у самого болотистого берега. Загнали в осоку, ветками сверху прикидали. Кто-то спрятать пытался, да неаккуратно. — Денис вытер лоб рукавом. — Серая дюралевая казанка, всё как соседи описывали. Седова лодка, сомнений нет — на борту его инициалы выцарапаны, «П.С.».

— А весло? — в один голос спросили следователь и эксперт.

Кораблёв замаялся, и лицо его вытянулось.

— А вот весло одно. Понимаете? В уключинах должно быть два, а там одно болтается. Второго нет. Как корова языком слизала.

Горецкий и Сташевская переглянулись. Картина сходилась пугающе точно.

— Вот тебе и орудие убийства, — тихо проговорила Вероника. — Второе весло. Им стукнули, а потом, видать, выбросили или утопили подальше.

— Не только это, — Денис понизил голос, будто боялся спугнуть удачу. — На борту лодки, изнутри, и на оставшемся весле — следы. Бурые пятна. Я экспресс-тест провёл прямо там, на месте. Кровь, Артём Вадимович. Человеческая кровь. И ещё — отпечатки пальцев. Чёткие, на алюминиевом борту. Не Седова. У Седова, я с трупа дактокарту снял для сравнения, пальцы шире, рисунок другой. А эти — чужие. Свежие. Кто-то держался за борт этой лодки. Хватался руками. И руки эти были, похоже, в крови.

Горецкий медленно сжал кулаки. Дело обретало плоть, кровь и — самое главное — улики, против которых не попрёшь ни в одном суде. Тупой удар веслом, оглушённое тело в воде, спрятанная лодка с кровью и чужими отпечатками, пропавшее второе весло. Оставалось последнее — найти владельца этих пальцев.

— Отпечатки в базу прогнал? — спросил он.

— Прогоняю. — Денис кивнул. — Но, если этот Корчагин раньше нигде не светился, в базе его не будет. Тогда придётся брать у него отпечатки лично и сравнивать.

— Возьмём, — пообещал следователь. — Дайте только до него добраться.

В этот момент в кармане у Горецкого завибрировал телефон. Он взглянул на экран — звонил участковый Пшеничный из посёлка. Следователь поднёс трубку к уху.

— Слушаю, лейтенант.

— Товарищ майор! — голос Пшеничного дрожал от усердия. — Докладываю по соседям, как велели. Опросил почти всех. И вот что вырисовывается. Во-первых, Корчагина этого, Виталия, в посёлке многие недолюбливают — мужик скандальный, склочный, со всеми перелаялся. А с Седовым у них прямо война шла. Из-за земли, из-за спуска к озеру. Соседи говорят, на той неделе они так сцепились прямо у воды, что чуть до драки не дошло. Корчагин Седову кричал: «Я тебя в этом озере утоплю, понял?! Будешь знать, как мне дорогу к воде перекрывать!»

Горецкий и Вероника снова переглянулись. Угроза была почти дословной.

— Так, хорошо, — следователь сжал телефон крепче. — А где сам Корчагин? Нашли?

— В том-то и дело, товарищ майор, — затараторил Пшеничный. — Машины его утром не было, я и подумал — уехал. А оказалось, нет! Сосед напротив видел, как Корчагин нынче в обед вернулся пешком, грязный весь, в тине по колено, лица на нём не было. Зашёл к себе на дачу и заперся. Свет не зажигает, на стук не открывает, будто прячется. Сидит там, в доме с зелёной крышей. Я наблюдение установил, как вы учили, чтоб не сбежал.

Горецкий почувствовал, как внутри натягивается знакомая струна — та, что всегда звенела перед самой развязкой.

— Молодец, лейтенант. От дачи ни на шаг. Глаз с дома не спускать. Мы выезжаем. — Он убрал телефон и повернулся к коллегам. — Денис, экспертизу по крови и отпечаткам — в авральном порядке. Вероника, заключение оформи официально, переквалифицируем в убийство. А я еду в Тихие Зори. Похоже, наш скромный рыболов Корчагин вернулся домой — в тине, перепуганный, и прячется от всего света.

— А тина-то откуда на нём, если он утром уехал на машине? — задумчиво произнесла Вероника.

— Вот это, — мрачно усмехнулся Горецкий, надевая пиджак, — я у него лично и спрошу. Думаю, он мне расскажет много интересного. Про то, как ходил к озеру на рассвете. Как прятал в камышах лодку. И куда дел второе весло, на котором, бьюсь об заклад, будут и его отпечатки, и кровь несчастного Седова.

Он шагнул к двери, но на пороге обернулся.

— Хотя нет. Сначала — спор о земле. Прежде чем брать Корчагина, я хочу знать всю подноготную этой их вражды. За что именно человек человека веслом по голове? Из-за двух метров песчаного берега? Что-то тут глубже. — Следователь нахмурился. — Денис, подними

мне всё по их судебной тяжбе. Кто подавал иск, чем кончилось, какие суммы фигурировали. Хочу понять, ради чего убивали.

— Сделаю, Артём Вадимович, — кивнул криминалист.

Горецкий вышел из прохладного морга на улицу, где августовское солнце заливало двор Центра жарким светом. Он сел в машину, завёл мотор и бросил последний взгляд на серое здание ЦКР. Где-то там, на холодном столе, лежал Павел Седов — человек, который любил рыбачить на зорьке и которого кто-то лишил всех будущих рассветов одним ударом по затылку.

«Тихие воды, — подумал следователь, выруливая на дорогу к дачному посёлку. — Самые мрачные тайны».

Теперь у него была рана, которую вода не могла оставить. Была спрятанная лодка с кровью. Были чужие отпечатки и пропавшее весло. Оставалось сложить эти улики воедино и предъявить тому, кто сидел сейчас в доме с зелёной крышей, перепачканный озёрной тиной, и трясся от страха перед неотвратимым стуком в дверь.

Но прежде следовало распутать клубок их застарелой вражды. Потому что Артём Горецкий за пятнадцать лет твёрдо усвоил ещё одну истину: у каждого убийства есть свой корень. И корень этот всегда уходит глубже, чем кажется на первый взгляд. Глубже, чем спор о двух метрах земли у тихого лесного озера.

Глава 3. Спор о земле

Архив районного суда располагался в полуподвале старого здания на окраине города — сыром, пропахшем пылью и слежавшейся бумагой помещении, где стеллажи с папками уходили в полумрак, как ряды могильных плит. Денис Кораблёв провёл здесь почти три часа, чихая от пыли и проклиная тот день, когда выбрал профессию криминалиста, а не что-нибудь более чистое. Но дело своё он знал и к вечеру выложил перед Горецким на стол толстую папку с тесёмками.

— Вот, Артём Вадимович. Всё дело Седова против Корчагина. И, скажу я вам, тут не просто спор о двух метрах песка. Тут целая война, да не на жизнь, а на смерть.

Горецкий развязал тесёмки и принялся листать пожелтевшие, истёртые от частого перебирания листы. Иски, встречные иски, ходатайства, протоколы заседаний, заключения землеустроительной экспертизы. Бумаги копились почти два года.

— Излагай, — велел следователь, не отрываясь от чтения. — Своими словами. Кратко.

Денис уселся напротив, отлепил от стула прилипший лист и заговорил, заглядывая в свои пометки:

— Значит, картина такая. Участки Седова и Корчагина — соседние, угловые, оба выходят к озеру. Только Седову достался тот самый пологий песчаный спуск, удобный, где мостки, где купаться можно и лодку спускать. А у Корчагина берег крутой, обрывистый, к воде толком не подойти. Завидовал он Седову страшно.

— Это понятно, — кивнул Горецкий. — Дальше.

— А дальше начинается самое интересное. — Кораблёв подался вперёд. — Два года назад Корчагин затеял межевание. Нанял какого-то ушлого землемера и заявил, что граница между участками проходит не там, где стоит забор, а на семь метров в сторону седовского надела. И что, мол, тот самый пологий спуск к воде — это вовсе не земля Седова, а его, Корчагина, законная территория, которую Седов незаконно захватил ещё в девяностые.

— Семь метров, — пробормотал следователь. — Уже не два. И не просто песок, а единственный нормальный выход к воде на оба участка.

— Именно! — Денис щёлкнул пальцами. — Кто владеет спуском — тот владеет озером. Лодка, рыбалка, купание, да хоть лодочную станцию открывай. А места там, я узнавал, рыбные, и дачников полно — желающих к воде попасть хоть отбавляй. Корчагин, видать, давно положил глаз на этот спуск. Может, и впрямь хотел дело какое замутить, деньги делать. А Седов — поперёк дороги.

Горецкий перевернул очередной лист — заключение землеустроительной экспертизы. Пробежал глазами казённые формулировки и поднял брови.

— Так. А вот это любопытно. Суд назначил независимую экспертизу. И что она показала?

— А вот тут-то собака и зарыта, — торжествующе сказал Кораблёв. — Эксперты подняли старые документы, генеральный план посёлка ещё советских времён, замеры все по-новой. И вынесли вердикт: граница проходит ровно там, где и стоял забор Седова все эти годы. То есть спуск к воде — законная, неоспоримая собственность Седова. А притязания Корчагина — пустые. Землемер его, как выяснилось, намерил с ошибками, не то по злему умыслу, не то по неграмотности. Короче, Корчагин дело вчистую проиграл.

— Когда вынесли решение? — быстро спросил Горецкий.

Денис сверился с записями, и лицо его сделалось значительным.

— А вот тут, Артём Вадимович, у меня прямо мурашки. Решение суда вступило в законную силу... три дня назад. За двое суток до убийства.

В кабинете повисло молчание. Горецкий медленно откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столу. Картина складывалась с пугающей чёткостью — последний кусочек мозаики встал на место, и теперь было ясно видно, ради чего человек поднял весло на соседа.

— Вот тебе и корень, — тихо проговорил следователь. — Корчагин два года сутяжничал, нанимал землемеров, адвокатов, тратил деньги, нервы, мечтал прибрать к рукам этот спуск. И за двое суток до того, как окончательно всё проиграть... вернее, уже проиграв окончательно, без права обжалования... он встречается Седова на рассвете у воды. На той самой земле, которую суд только что навсегда закрепил за покойным. Представляешь, что у него в голове творилось?

— Злоба, — подсказал Денис. — Бессилие. Два года псу под хвост.

— Хуже, — покачал головой Горецкий. — Унижение. Седов теперь хозяин. Полный, законный, с печатью суда. И, зная характер покойного — а соседи в один голос твердят, что мужик он был не сахар, ершистый, — представь, что он сказал Корчагину в то утро. Стоят они у воды, на спорном спуске. И Седов так, с усмешечкой: «Ну что, Виталий, отсудил землицу? Чего ж ты тут топчешься, на моём-то берегу? А ну пошёл вон со своей рожей, чтоб духу твоего тут не было». Что-нибудь в этом роде.

— А у Корчагина — весло в руках, — мрачно закончил Кораблёв. — Он же лодку, видать, как раз с воды загонял или, наоборот, спускал. И не выдержал. Размахнулся — да по затылку.

— Похоже на правду, — кивнул следователь. — Но это пока наши с тобой фантазии. Красивые, складные, а доказательств — кот наплакал. Мотив есть, теперь железный. Угрозы свидетели слышали. Следы городской обуви на берегу. Лодка с кровью и чужими отпечатками. Тина на штанах у вернувшегося домой Корчагина. Но всё это — косвенное. В суде хороший адвокат это по косточкам разнесёт. Нужны прямые улики. Нужны отпечатки Корчагина, чтоб сличить с теми, что на борту. Нужно то самое второе весло.

Он захлопнул папку и поднялся.

— Едем. Хватит с него отсиживаться в своей берлоге.

К дачному посёлку Тихие Зори подъезжали уже в сумерках. Длинные тени от сосен ложились на пыльную дорогу, в окнах дач кое-где зажигался свет, пахло дымом и поспевающими яблоками. Идиллия, да и только. Если бы не белый уазик участкового, притаившийся в кустах напротив дома с зелёной крышей.

Лейтенант Пшеничный выскочил навстречу, едва Горецкий выбрался из машины.

— Товарищ майор! Никуда не выходил. Сидит. Я глаз не спускал. Свет вон только что в одном окошке зажгёт.

— Молодец, лейтенант. — Горецкий оглядел дом. Добротный, двухэтажный, с резными наличниками — видно, что хозяин человек небедный и хозяйственный. — Денис, готовь всё для дактилоскопии. Будем брать отпечатки. Пшеничный, со мной. Заходим спокойно, без резких движений. Он пока ни в чём официально не обвиняется. Просто беседа.

Они подошли к калитке. Горецкий толкнул её — заперта изнутри на щеколду. Постучал.

— Виталий Корчагин! Откройте. Центр криминалистических исследований. Хотим с вами поговорить.

За забором послышалась возня, потом тишина. Свет в окошке погас.

— Корчагин, не усугубляйте! — повысил голос следователь. — Мы знаем, что вы дома. Не заставляйте нас ломать дверь. Откройте по-хорошему, и поговорим как люди.

Снова тишина. А потом из глубины двора донёсся хриплый, надломленный голос:

— Чего вам надо? Я ничего не сделал. Уходите.

— Тогда вам нечего бояться, — спокойно ответил Горецкий. — Откройте, и через десять минут мы уйдём. Если вы и правда ни при чём.

Долгая, мучительная пауза. Горецкий и Пшеничный переглянулись. Следователь уже прикидывал, не пора ли действовать решительнее, когда щеколда наконец лязгнула, и калитка приоткрылась.

На пороге стоял мужчина лет сорока пяти — грузный, обрюзгший, с лицом серым, как пепел, и глазами, в которых плескался затравленный, животный страх. Одет он был в мятую футболку и спортивные штаны, и Горецкий сразу, цепким взглядом профессионала, отметил главное: штанины были застираны, но по краю, у самого низа, остались бурые разводы и присохшие зеленоватые частицы. Тина. Озёрная тина, которую он пытался отмыть, да не дочиста.

— Виталий Корчагин? — уточнил следователь, шагнув ближе.

— Ну я, — буркнул тот, не глядя в глаза. — И чего?

— Майор Горецкий, ЦКР. — Следователь предъявил удостоверение. — Расследую гибель вашего соседа, Павла Седова. Где вы были сегодня утром, между четырьмя и пятью часами?

При имени Седова Корчагина передёрнуло. Он судорожно сглотнул, переступил с ноги на ногу.

— Спал я. Дома спал. Утром встал, по делам уехал.

— На машине?

— На машине.

— А вернулись пешком, — мягко заметил Горецкий, не сводя с него глаз. — В обед. Грязный, в тине по колено. Соседи видели. Где же ваша машина, Виталий? И откуда тина, если вы, как утверждаете, на берег и не спускались?

Лицо Корчагина пошло пятнами. Он открыл рот, закрыл, снова открыл, явно лихорадочно соображая, что соврать. Руки его, висевшие вдоль тела, мелко подрагивали — и Горецкий отметил, что на тыльной стороне правой ладони багровеет свежая ссадина.

— Я... я машину в сервис отогнал, — выдавил наконец Корчагин. — Сломалась. Пешком и шёл. А тина... тина — это я, это... за грибами в лес ходил, через болотину.

— За грибами. В тине по колено. С озёрной ряской на штанах, — без выражения повторил следователь. — Любопытные у вас грибные места, Виталий. Прямо на дне Соснового озера растут, не иначе.

Корчагин побледнел ещё сильнее и попятился вглубь двора.

— Что вам от меня надо?! — почти выкрикнул он. — Утонул Седов, сам утонул! Допился, оступился и утонул! Все знают, что он пил! Я тут ни при чём! Уходите, у вас на меня ничего нет!

— А вот это мы сейчас проверим, — спокойно сказал Горецкий и кивнул Денису, который уже доставал из чемоданчика всё необходимое. — Виталий, нам нужны ваши отпечатки пальцев. Дело добровольное, но, если откажетесь — оформим принудительно, через суд, что в вашем положении выглядит, прямо скажем, скверно. На лодке покойного — той самой, что кто-то спрятал в камышах, — обнаружены чужие отпечатки и человеческая кровь. Если они не ваши — вы свободны, и мы извинимся. Если ваши — будем разговаривать всерьёз.

Слова про лодку и кровь подействовали на Корчагина как удар тока. Он отшатнулся, врезавшись спиной в стену сарая, и затравленно заозирался — как зверь, угодивший в капкан и ищущий, куда бежать. Но бежать было некуда: впереди — следователь, сбоку — крепкий Пшеничный, у калитки — Денис с дактилоскопической картой.

— Вы... вы не имеете права... — пролепетал он.

— Имеем, Виталий. Имеем полное право. — Горецкий шагнул ещё ближе и заговорил негромко, почти доверительно. — Послушайте меня. Я двадцать лет ловлю убийц. И я вижу человека насквозь. Вы не злодей. Вы не хотели этого. Я понимаю — два года тяжбы, проигранный суд, обида, унижение. Седов вас задирал, насмехался. Вы сорвались. С каждым может случиться. Но чем дольше вы запираетесь, тем хуже себе делаете. Расскажите, как было. Облегчите душу. Я же вижу — вас изнутри это жжёт со вчерашнего дня. Вы спать не можете, в окно глядите, ждёте, когда за вами придут. Так вот — мы пришли.

Корчагин стоял, вжавшись в стену, и плечи его начали мелко трястись. По серому, обрюзгшему лицу покатились слёзы — крупные, грязные, прокладывая дорожки сквозь дневную щетину. Железная маска отрицания дала трещину.

— Я не хотел... — прошептал он едва слышно. — Богом клянусь, я не хотел его убивать...

Горецкий замер. Он узнавал этот момент — момент, когда человек ломается, когда правда, которую он держал в себе, рвётся наружу, не в силах больше оставаться внутри. Самое важное было — не спугнуть.

— Я знаю, — мягко сказал следователь. — Расскажите. С самого начала.

Но Корчагин, словно опомнившись, мотнул головой, утёр лицо рукавом и хрипло выдал:

— Нет. Не здесь. И не так. Я... мне надо сесть. Дайте воды.

— Конечно. — Горецкий кивнул Пшеничному, и тот придержал калитку. — Пройдёмте в дом. Денис, отпечатки снимем там же. И, Виталий... — следователь сделал паузу, — то весло. Второе. Где оно? Лучше отдайте сами. Это зачтётся.

Корчагин вздрогнул всем телом, бросил быстрый, испуганный взгляд в сторону сарая — и Горецкий мгновенно понял, где спрятано оружие убийства. Но виду не подал. Пусть скажет сам. Пусть выложит всё — про спор о земле, про роковое утро на берегу, про удар, после которого тихие воды Соснового озера навсегда сомкнулись над головой рыбака Павла Седова.

Развязка была близка. И следователь Артём Горецкий чувствовал её приближение всем своим существом — как чувствуют грозу за миг до первого раската грома.

Глава 4. Лодка

Дом Корчагина изнутри оказался под стать хозяину — добротный, но запущенный, со следами бывшего достатка и нынешнего запустения. В большой комнате на первом этаже пахло прокисшим, нежилым духом, в раковине громоздилась немытая посуда, на столе валялись пустые бутылки. Видно было, что человек последние дни жил тут как в берлоге, не заботясь ни о чём.

Горецкий усадил хозяина на табурет посреди комнаты, сам опустился напротив, на стул. Пшеничный встал у двери, перекрывая выход. А Денис Кораблёв, не теряя времени, расстелил на углу стола свою дактилоскопическую карту, разложил валик, краску, салфетки.

— Виталий, давайте руку, — деловито сказал криминалист. — Сейчас откатаем пальчики, и всё станет ясно.

Корчагин затравленно глянул на свои ладони, будто они принадлежали не ему, а какому-то чужому, враждебному существу. Потом медленно, как во сне, протянул правую руку. Денис ухватил её, прижал к валику с краской и принялся аккуратно прокатывать палец за пальцем по бумаге — большой, указательный, средний.

— Так-так, — бормотал он себе под нос, разглядывая отпечатки через лупу. — Завитки, петельки... ну-ка, ну-ка.

Он достал планшет, на экране которого светились снимки отпечатков, снятых с борта лодки и с уцелевшего весла. Положил рядом свежую дактокарту Корчагина. Принялся сличать — узор за узором, линию за линией. Горецкий молча наблюдал. Корчагин сидел не дыша, уставившись в одну точку, и крупная капля пота сползала у него по виску.

Минуты тянулись мучительно. Наконец Денис поднял голову, и по лицу его всё было ясно ещё до слов.

— Совпадение, Артём Вадимович. Полное. — Он постучал пальцем по экрану. — Вот этот, с борта лодки, — большой палец правой руки Корчагина. Двенадцать совпадающих признаков, тут и спорить не о чем. И на весле — его же, указательный и средний. Он держался за эту лодку. Хватался за борт. Руками, которые, судя по бурым следам рядом, были в крови.

В комнате повисла тяжёлая, давящая тишина. Корчагин издал какой-то сдавленный звук — не то стон, не то всхлип — и обхватил голову руками.

— Ну вот, Виталий, — негромко произнёс Горецкий. — Теперь это уже не мои фантазии и не болтовня соседей. Это наука. Ваши отпечатки на лодке убитого. Ваша рука хваталась за борт. И кровь Седова — а это, не сомневайтесь, его кровь, экспертиза подтвердит группу — там же, рядом с вашими пальцами. Объясните мне, как так вышло, что вы цеплялись за лодку человека, которого, по вашим же словам, и в глаза этим утром не видели?

Корчагин молчал, раскачиваясь на табурете.

— Денис, — продолжал следовательно, не сводя глаз с хозяина дома, — а что там по крови на весле? По тому, что в лодке осталось?

— Кровь на оставшемся весле тоже есть, — отозвался Кораблёв. — Немного, у самой лопасти. Но смазанная. Похоже, этим веслом не били — оно просто лежало рядом, на него брызнуло. А вот то, которым ударили, второе, — оно исчезло. И на нём, я уверен, крови куда больше. И щепка, что Вероника из раны достала, — она именно от такого весла, по краске и по дереву сходится один в один.

Горецкий медленно поднялся, прошёлся по комнате и остановился у окна, выходящего на тёмный двор и угадывающийся за ним силуэт сарая.

— То весло, Виталий, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы спрятали его в сарае. Я видел, как вы туда глянули. Лучше скажите сами и отдайте. Каждый шаг навстречу следствию вам сейчас в плюс. А каждая попытка спрятать, соврать, выкрутиться — в минус. Подумайте.

Плечи Корчагина опустились. Он долго молчал, глядя в пол, а потом глухо, обречённо проговорил:

— В сарае. Под верстаком. Завернул в мешковину... смыть кровь хотел, да руки не дошли. Думал, ночью в лес отнесу, закопаю. — Он поднял на следователя пустые, выгоревшие глаза. — Не отнёс. Сил не было. Сидел тут и ждал. Знал ведь, что придёте. Всё знал.

Горецкий кивнул Пшеничному.

— Лейтенант, с Денисом — в сарай. Изъять весло по всем правилам, с понятыми, с протоколом. Сфотографировать, как лежит, упаковать. Это главная улика, чтоб ни одна соринка не потерялась.

Пшеничный и Кораблёв вышли. Через несколько минут со двора донеслись их приглушённые голоса, скрип двери сарая, щелчки фотоаппарата. А Горецкий остался наедине с Корчагиным — и это было именно то, чего он добивался. Когда человек сломлен, когда улики легли неопровержимой грудой, самые честные слова он говорит вот так — без свидетелей, без протокола, глаза в глаза.

— Расскажите, Виталий, — мягко сказал следователь, снова садясь напротив. — Как было на самом деле. Не для протокола пока. Для себя. Я же вижу, вы не закоренелый убийца. Вас это грызёт.

Корчагин судорожно вздохнул, отёр лицо ладонью.

— Грызёт, — выдохнул он. — Со вчерашнего утра места себе не нахожу. Глаза закрою — а он на меня смотрит, Пашка-то. Из воды смотрит.

— С самого начала, — повторил Горецкий. — Зачем вы пошли к озеру на рассвете?

— А я и не к нему шёл, — Корчагин криво усмехнулся. — Я к лодке его шёл. К казанке. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Понимаете... проиграл я суд. Вчистую проиграл. Два года бился за этот спуск, за берег. Деньги вложил, землемеру платил, адвокату платил. Мечтал — поставлю лодочную станцию, дачников катать буду, рыбакам лодки в аренду. Дело верное, озеро рыбное, народ повалит. А выходило бы всё через тот пологий спуск, через седовскую землю. Без него — никак, у меня-то берег обрывистый, не подойти. И вот суд решил: спуск — Пашкин. Навсегда. Всё, конец мечте.

— И вы решили насолить ему, — подсказал следователь.

— Решил. — Корчагин опустил голову. — Глупо, по-детски. Но обида душила. Думаю: ладно, землю отсудил — а лодку твою я попорчу. Угоню да утоплю в дальних камышах, у болота. Будешь без лодки куковать, рыбак хренов. Хоть так досажу. Встал затемно, пошёл к воде, к его мосткам, где казанка привязана была. Отвязал, столкнул, грести начал к тому берегу, к осоке. А тут...

Он осёкся, и лицо его исказилось.

— А тут — он, — глухо закончил Корчагин. — Пашка. Вышел на берег с удочкой, на зорьку, как всегда. Увидел, что я его лодку угоняю. И давай орать на весь посёлок: «Стой, ворюга! Куда лодку потащил?! Я тебя посажу! Мало тебе земли, ты ещё и красть удумал?!» И — в воду, за мной. Догнал, за борт ухватился, лодку к берегу тянет. А сам кроет меня на чём свет стоит. И про суд, и про то, что я нищесброд, неудачник, что он меня по миру пустит, в тюрьму упечёт за угон.

Горецкий слушал, не перебивая, лишь изредка кивая. Картина, которую он мысленно нарисовал ещё в морге, обретала живые, страшные подробности.

— Мы боролись за эту лодку, — продолжал Корчагин, и голос его дрожал. — Он за один борт тянет, я за другой держусь. Вода по грудь, холодная. Он сильнее меня, здоровее. И всё орёт, орёт, слюной брызжет, грозит. А у меня в голове помутилось. Два года унижений, и вот опять он надо мной измывается, опять победитель, опять я — никто. И весло... весло в руках было, я ж грёб. Я и сам не понял, как. Размахнулся — и по голове ему. Сзади, по затылку.

Думал — отпугнуть, чтоб отстал, чтоб отцепился. А он... он сразу обмяк. Без звука. И — под воду.

Корчагин закрыл лицо руками, плечи его затряслись.

— Я перепугался. Стал его звать, тормошить — а он не отзывается, лежит лицом вниз, покачивается. Я понял — конец. Убил. — Он всхлипнул. — И тут, вместо того, чтоб на помощь звать, чтоб людей будить, — струсил я. Подло струсил. Думаю: скажут — я убил, из-за земли, из-за лодки, все ж знают, как мы враждовали. Посадят. И вот, вместо того, чтоб спасать... я лодку угнал в камыши, спрятал. Весло окровавленное — с собой. Думал, концы в воду, скажут — сам утоп по пьяни. А следы-то остались. И на лодке, и на весле, и на штанах моих эта тина проклятая.

Он поднял на Горецкого мокрое, измученное лицо.

— Не хотел я его убивать. Богом клянусь, гражданин следователь. Попугать хотел, отбиться. А вышло... вышло вон как. Одним ударом всю жизнь себе сломал. И ему — отнял.

Горецкий молчал. За окном слышались шаги возвращающихся Пшеничного и Кораблёва. Денис нёс длинный свёрток в мешковине — то самое второе весло, орудие убийства, на котором, вне всякого сомнения, экспертиза найдёт и кровь Седова, и отпечатки Корчагина, и недостающую щепку, что войдёт в скол на лопасти, как ключ в замок.

— Знаете, Виталий, — наконец заговорил следователь, и в голосе его не было ни торжества, ни злорадства — одна усталая горечь. — Вот что я вам скажу. Если бы вы тогда, в воде, поняв, что натворили, кинулись его спасать, звать людей, — может, врачи бы и откачали. Он ведь не от удара умер. Он захлебнулся. Потому что вы, испугавшись за свою шкуру, бросили оглушённого человека тонуть. И угнали лодку, вместо того, чтоб вытащить его на берег. Вот это, Виталий, и есть самое страшное в вашей истории. Не удар сгоряча. А то, что было после.

Корчагин затрясся всем телом и зарыдал — некрасиво, в голос, размазывая слёзы по серому лицу. Горецкий поднялся, отошёл к окну. Он повидал на своём веку немало убийц — расчётливых, хладнокровных, жестоких. Этот был не из таких. Этот был слабым, завистливым, трусливым человеком, которого собственная мелочная злоба и минутный страх превратили в убийцу. И от этого было ещё тоскливее.

Денис вошёл в комнату, осторожно положил свёрток на стол, развернул мешковину. В свете лампы тускло блеснуло деревянное весло, выкрашенное серовато-голубой влагостойкой эмалью. У самой лопасти, по ребру, темнели бурые потёки, а сбоку белел свежий скол — то самое место, от которого откололась щепка, застрявшая в ране несчастного Седова.

— Вот оно, Артём Вадимович, — тихо сказал криминалист. — Орудие. Кровь на лопасти, на ребре. И скол. Вероника обрадуется — щепочка её прямо сюда ляжет, я уже вижу.

Горецкий кивнул, не отрывая взгляда от весла.

— Оформляй изъятие до конца. И вызывай конвой. — Он повернулся к Корчагину, который всё ещё всхлипывал на табурете. — Виталий Корчагин, вы задержаны по подозрению в убийстве Павла Седова. Сейчас вам зачитают права, и мы поедem. Там вы дадите показания уже официально, под протокол, в присутствии адвоката. Всё, что вы рассказали мне сейчас, повторите следователю — и, поверьте, чистосердечное признание и помощь следствию суд учтёт. Это единственное, что вам теперь осталось.

Корчагин медленно поднялся, протянул вперёд дрожащие руки — будто сам подставлял их под наручники. На лице его, мокрым от слёз, проступило странное, почти облегчённое выражение. Так выглядит человек, с плеч которого сняли непосильную ношу. Двое суток он метался по этому дому, гонимый страхом, прислушиваясь к каждому шороху, ожидая стука в дверь. И вот стук раздался — и всё кончилось. Прятаться больше не нужно. Бежать некуда. Игра окончена.

— Я всё расскажу, — прошептал он. — Всё, как было. Устал я. Так устал.

Пшеничный защёлкнул наручники, зачитал задержанному его права. Денис заканчивал упаковывать весло, фотографировал, описывал. А Горецкий стоял у окна и смотрел в темноту, туда, где за деревьями и крышами дач лежало невидимое сейчас Сосновое озеро — тихое, гладкое, хранящее под своей зеркальной гладью отголоски разыгравшейся на рассвете трагедии.

Дело было раскрыто. Улики сложились в неопровержимую цепь: рана от весла и щепка в ней, спрятанная лодка с отпечатками и кровью, тина на одежде, мотив, выросший из двухлетней тяжбы, угрозы при свидетелях и, наконец, само орудие убийства да полное признание. Ни один адвокат теперь не вытащит Корчагина из этой паутины фактов.

Но радости Горецкий не чувствовал. Он редко её чувствовал в такие минуты. Один человек был мёртв, другой — сломал себе жизнь, и всё это — из-за клочка песчаного берега у тихого лесного озера да из-за неумения двух соседей жить в мире.

— Тихие воды, — пробормотал следователь себе под нос, глядя в ночь.

Завтра будет суд, экспертизы, протоколы, долгая казённая процедура. А сегодня над дачным посёлком Тихие Зори висела тёплая августовская ночь, стрекотали кузнечики, пахло яблоками и дымом, и ничто больше не нарушало покоя — кроме тихих рыданий человека, которого уводили в наручниках из дома с зелёной крышей.

Глава 5. Удар веслом

Кабинет для допросов в Центре криминалистических исследований был тесным, безликим помещением с привинченным к полу столом, двумя стульями да забранной в металлическую сетку лампой под потолком. Здесь, в этих голых стенах, заканчивались сотни человеческих историй — здесь сознавались, отпирались, лгали и каялись. Сюда наутро после задержания и привели Виталия Корчагина — уже не того затравленного зверя, что метался по своей даче, а человека пустого, выгоревшего изнутри, с лицом серым и неподвижным, как у гипсового слепка.

Горецкий вошёл, держа под мышкой папку с делом, и сел напротив. Рядом, у стены, пристроился молоденький адвокат по назначению — суетливый, с бегающими глазами, явно тяготившийся безнадёжностью своего подзащитного. В углу за маленьким столиком устроилась секретарь-машинистка для протокола.

— Итак, Виталий Андреевич, — следователь раскрыл папку, разложил перед собой бумаги. — Сегодня мы запишем ваши показания официально, под протокол. Вчера вечером вы признались мне в содеянном. Готовы ли вы повторить признание сейчас, в присутствии вашего адвоката, понимая, что эти слова будут зафиксированы и использованы в суде?

Корчагин медленно поднял глаза. Под ними залегли тёмные, набрякшие мешки — видно, ночь в камере он провёл без сна.

— Готов, — глухо проговорил он. — Чего уж теперь. Запутался я. Совсем запутался.

Адвокат дёрнулся было, наклонился к подзащитному, зашептал что-то про право не свидетельствовать против себя, но Корчагин только устало отмахнулся.

— Оставьте, молодой человек. Поздно мне в молчанку играть. На душе тошно. Хочу выговориться, чтоб хоть чуточку полегчало. — Он повернулся к Горецкому. — Спрашивайте, гражданин следователь. Я всё как на духу.

Горецкий кивнул машинистке, и та застучала по клавишам.

— Начнём с самого начала. Расскажите про то утро. День, время, что вы делали.

Корчагин облизнул пересохшие губы и заговорил — медленно, тяжело, будто каждое слово давалось ему с болью.

— Позавчера это было. На рассвете. Я и не спал почти в ту ночь — какой сон, когда суд проигран? Два года жизни коту под хвост. Всё про этот спуск думал, про лодочную станцию свою, которой теперь не бывать. Ворочался, ворочался, а часа в четыре встал. Темно ещё, чуть сереет. И такая во мне злоба поднялась на Пашку — словами не передать. Думаю: ладно, землю ты у меня отнял по бумажке. А я тебе тоже досажу. Лодку твою угоню да утоплю к чёртовой матери. Будешь знать.

— Вы заранее это задумали? — уточнил Горецкий, не поднимая глаз от протокола. — Или решение пришло в ту ночь?

— В ту ночь и пришло. Сгоряча. — Корчагин покачал головой. — Я ж не убивать шёл, поймите. И в мыслях не было. Лодку попортить — да, было. Мелко, гадко, по-бабьи, теперь сам вижу. Но не убивать.

— Продолжайте.

— Оделся, вышел потихоньку. Обувь надел городскую, кроссовки, — сапог-то резиновых у меня нет, я не рыбак. — Он невесело усмехнулся, и Горецкий мысленно отметил: вот они, следы гладкой подошвы на росистом песке, что заметил тогда Кораблёв. — Спустился к воде, к седовским мосткам. Казанка его там привязана была, к колышку. Я верёвку отвязал, толкнул лодку на воду, сам залез, весло взял и грести начал. Тихонько так, чтоб не плескать. К дальнему берегу правлю, к камышам у болота — там осока в человеческий рост, спрячу, думаю, концов не найдут.

— И тут появился Седов, — подсказал следователь.

Лицо Корчагина исказилось, будто от физической боли.

— Появился. — Он сглотнул. — Я уж почти до середины догрёб. И слышу — с берега ор: «Стой! Стой, ворюга! Куда лодку потащил?!» Гляжу — Пашка. С удочкой стоит, на свою зорьку вышел, как всегда. И увидел меня. А я ж на середине, деваться некуда. Он в воду — и за мной. Здоровый был мужик, плавал как рыба. Догнал быстро, за борт ухватился обеими руками, лодку к берегу разворачивает, на мелководье тянет. А сам орёт, не унимается.

— Что именно он кричал? Постарайтесь вспомнить дословно.

— Да чего он только не кричал, — Корчагин зажмурился, словно снова всё это слыша. — «Я тебя посажу, говорит, мало тебе земли, ты воровать удумал! Нищеврод, неудачник! Я тебя по миру пушу, в тюрьме сгниёшь!» И про суд: «Что, проиграл, утёрся? Так теперь ещё и за решётку пойдёшь, ворюга!» Тянет лодку, а сам в лицо мне всё это плюёт. И так мне горько стало, так обидно. Два года он надо мной измывался, а тут — последняя капля. Опять он сверху, опять победитель, а я — грязь под ногами.

Корчагин замолчал, тяжело дыша. Горецкий не торопил — пусть выговорится сам, до конца.

— Мы за лодку схватились, — продолжил тот глухо. — Он за один борт, я за другой. Качаемся, вода через край хлещет. Я кричу: «Отстань, отцепись!» А он не отстаёт, ещё пуще лезет, кулаком уж замахнулся. И весло у меня в руках было, я ж грёб им. И вот тут... тут у меня в голове будто щёлкнуло. Темно стало в глазах. Я и сам не понял, как весло вскинул, да и...

— Ударил, — тихо закончил Горецкий.

— Ударил, — эхом отозвался Корчагин, и по серому лицу его снова поползли слёзы. — Сзади, по затылку. Он как раз в тот миг наклонился, за борт перехватывался. Я думал — отпугнуть, чтоб руки разжал, чтоб отстал. А вышло... вышло, что прямо по голове, со всей дури. Он и охнуть не успел. Обмяк весь. Руки разжались, и — под воду. Лицом вниз.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь дробным стуком машинки. Адвокат сидел, опустив голову. Машинистка на миг замерла, потом снова застучала.

— Что было дальше? — спросил следователь.

— Дальше... — Корчагин вытер лицо ладонью. — Я сперва опешил. Сажу в лодке, а он рядом качается, не шевелится. Я его за плечо — тормошу, зову: «Паша! Паш, ты чего? Вставай!» А он молчит. И вода вокруг головы темнеть начала. Кровь. Я понял — всё, конец. Убил.

Он судорожно вздохнул.

— И вот тут, гражданин следователь, я самую подлость и совершил. Самую страшную. — Голос его задрожал. — Надо было его на берег тащить, людей звать, спасать. Может, живой ещё был, может, откачали бы. А я... я перепугался за свою шкуру. Подумал: все знают, как мы враждовали, как я ему смертью грозил при свидетелях. Скажут — убил из-за земли. Посадят навечно. И вместо того, чтоб спасать... я грести начал. Прочь от него. К дальним камышам.

— Вы бросили его тонуть, — без выражения произнёс Горецкий.

— Бросил, — выдохнул Корчагин, и плечи его затряслись. — Догрёб до осоки, лодку в камыши загнал, ветками закидал. Весло, окровавленное с собой прихватил — то, которым ударил. Думал — спрячу, отмою, никто не догадается. Скажут — сам Пашка спьяну утоп. А пока я лодку прятал да назад через болотину пробирался — весь в тине вымазался, штаны, кроссовки. Машину свою я ещё затемно за посёлок отогнал, в лесок, чтоб не светиться, — потому соседи и решили, что я уехал. А я пешком возвращался, кружным путём, через лес. Чтоб не увидел никто.

— А машину зачем прятали? — уточнил следователь. — Вы же лодку угонять шли, а не уезжать.

Корчагин горько усмехнулся.

— Сам не знаю. Запаниковал. Думал, заметут — пусть хоть машина в стороне будет, может, отопрусь, скажу — уезжал, меня и не было тут вовсе. Глупо всё. Преступник из меня — никакой. Каждый шаг — улика. Наследил везде, как телёнок.

Горецкий перелистнул страницу дела, достал несколько фотографий и разложил перед задержанным.

— Виталий Андреевич, для протокола предъявляю вам результаты экспертиз. Вот заключение судебно-медицинской экспертизы: смерть Седова Павла Игнатьевича наступила в результате утопления, которому предшествовала черепно-мозговая травма от удара тупым предметом по затылочной области. — Он выложил следующий снимок. — Вот заключение трасологической экспертизы: щепка, извлечённая из раны покойного, по структуре древесины и составу лакокрасочного покрытия идентична веслу, изъятому в вашем сарае, и точно совпадает со сколом на его лопасти. — Ещё снимок. — Вот дактилоскопическая экспертиза: отпечатки пальцев на борту лодки и на вёслах принадлежат вам. И, наконец, биологическая: кровь на весле и в лодке принадлежит Седову. Вы подтверждаете, что всё изложенное вами согласуется с этими выводами?

Корчагин даже не взглянул на фотографии. Он смотрел в одну точку перед собой.

— Подтверждаю, — прошептал он. — Всё так и было. Всё против меня. И поделом.

Горецкий молча собрал снимки обратно в папку. Дело было закрыто — плотно, без единой щели, без единой зацепки для будущей защиты. Признание ложилось на гранитный фундамент улик, и каждое слово подследственного лишь скрепляло этот фундамент намертво.

— Виталий Андреевич, — после паузы заговорил следователь, и в голосе его уже не было ни напора, ни хитрости — только тяжёлая, человеческая усталость. — Я обязан вам сказать. Вам будет предъявлено обвинение в убийстве. Но я как следователь отмечу в материалах дела ряд обстоятельств. Что удар был нанесён в ходе внезапно возникшей ссоры, в состоянии сильного душевного волнения. Что прямого умысла на лишение жизни у вас, судя по всему, не было. Что вы дали чистосердечное признание и активно способствовали следствию. Это не оправдание — человека вы погубили, и расплата неизбежна. Но суд эти обстоятельства учтёт. Скрывать их я не стану.

Корчагин поднял на него влажные, измученные глаза.

— Спасибо, гражданин следователь. Хотя за то спасибо. — Он помолчал, потом тихо добавил: — А только знаете, что меня изнутри жжёт сильнее всего? Не тюрьма. Не суд. А то, что я его тонуть бросил. Ведь он, может, жив ещё был. А я — грести прочь. Из-за земли проклятой, из-за лодочной станции, которой и не было никогда, одни мечты. Вот это мне теперь по ночам видеться будет. До самой смерти. Как он лицом вниз качается, а я — вёслами от него прочь.

Горецкий ничего не ответил. Да и что тут было ответить? Он повидал немало раскаявшихся убийц, но искреннее раскаяние, как он давно усвоил, мёртвого не воскрешает и убитого не вернёт. Оно нужно лишь самому убийце — чтобы дожить остаток дней, не сойдя с ума.

Допрос закончился. Корчагин расписался на каждой странице протокола дрожащей рукой, не читая. Конвойный увёл его — сгорбленного, постаревшего за одну ночь на десять лет. В дверях задержанный обернулся и бросил последний взгляд на следователя — без злобы, без мольбы, с одной лишь бездонной тоской. И вышел.

Горецкий ещё долго сидел один в опустевшем кабинете, листая дело. Потом собрал бумаги, спустился во двор Центра, где его уже поджидали Вероника Сташевская и Денис Кораблёв.

— Ну что, сознался по всем пунктам? — спросила Вероника, отрываясь от стаканчика с кофе.

— Сознался, — кивнул следователь. — От первого шага до последнего. Лодку угнать хотел, назло. Седов застучал, кинулся отнимать. Сцепились в воде. Корчагин не выдержал, уда-

рил веслом. А потом — бросил тонущего и сбежал. Вот и вся история. Мелкая злоба, минутная вспышка — и два года тяжбы из-за клочка берега обернулись трупом и сломанной жизнью.

— Классика, — вздохнул Денис, разворачивая жвачку. — Не из-за миллионов убивают-то. Из-за обиды, из-за гордыни, из-за межи на огороде. Самые страшные дела — они всегда из-за мелочи.

— Из-за неумения уступить, — поправила Вероника. — Двое здоровых мужиков не смогли поделить песчаный спуск. И один теперь в морге, а другой — в камере. А спуск так и остался — лежит себе у воды, никому теперь не нужный.

Горецкий молча смотрел вдаль, поверх крыш города, туда, где за много километров отсюда лежало в обрамлении сосен Сосновое озеро. Сейчас там, должно быть, снова тихо. Тает над водой утренний туман, перекрикиваются петухи, плещется у мостков мелкая рыбёшка. И никто из дачников, поливая поутру свои грядки, уже и не вспомнит, что у этой тихой воды разыгралась когда-то маленькая, никому не заметная трагедия.

— Поехали, — сказал он наконец, открывая дверцу машины. — Дело закрыто. А там, глядишь, и новое подоспеет. Они ведь не кончаются никогда, дела наши.

— Это точно, — хмыкнул Денис, забираясь на заднее сиденье. — Покой нам только снится.

Машина выехала за ворота ЦКР и влилась в утренний поток. А Артём Горецкий, ведя автомобиль сквозь просыпающийся город, думал о том, что тихие воды и впрямь хранят самые мрачные тайны. Только вот вытаскивать эти тайны со дна — работа неблагодарная. Потому что под зеркальной гладью, сколько ни вглядывайся, почти всегда обнаруживается одно и то же: человеческая слабость, зависть да неумение вовремя остановиться. И ещё — холодная вода, что смыкается над головой и навсегда уносит чью-то жизнь в свою тёмную глубину.

Дело рыбака Седова было закрыто. Но Сосновое озеро осталось лежать на своём месте — тихое, гладкое, невинное с виду. И кто знает, какие ещё тайны таились до поры на его илистом дне.

Билет на поезд

Глава 1. Пропажа пассажира

Фирменный поезд номер двести семнадцать «Северная стрела» прибыл на конечную станцию Заозёрск с опозданием в сорок минут — и это опоздание, как вскоре выяснится, окажется не случайным. Серое осеннее утро едва занималось над перроном, моросил мелкий, въедливый дождь, и пассажиры, кутаясь в куртки и поднимая воротники, торопливо стекали по ступенькам вагонов на мокрый асфальт, спеша к зданию вокзала.

Проводница восьмого вагона, женщина лет пятидесяти с усталым лицом и крашеными в медный цвет волосами, по имени Раиса Степановна Голубева, стояла у входа в свой вагон, провожая пассажиров привычным механическим кивком. Состав почти опустел. Она уже прикидывала, что сейчас пройдёт по купе, соберёт постельное бельё, подметёт, сдаст вагон — и наконец-то домой, отсыпаться. Но что-то её беспокоило. Чувство было смутное, неуютное, как заноза под ногтем.

Четвёртое купе.

Из четвёртого купе вышли только трое. А ехало — четверо. Раиса Степановна это помнила точно, потому что билеты проверяла лично, да и за ночь не раз проходила по коридору. Нижнее место номер тринадцать занимал солидный мужчина средних лет — она ещё отметила про себя его дорожное пальто и кожаный портфель, который он ни на минуту не выпускал из рук. Артём, кажется. По документам — Власов Артём Сергеевич. Сел в Москве, билет до Заозёрска, до конечной. А вот вышел ли?

Проводница нахмурилась, припоминая. Двое верхних пассажиров — молодая пара, студенты — сошли ещё ночью, на какой-то промежуточной станции. Оставались Власов и сосед его, что ехал на нижнем месте напротив. Сосед сошёл только что, она его видела — высокий, в тёмной ветровке, с большой спортивной сумкой, прошмыгнул мимо неё быстро, голову опустил, буркнул что-то на прощание. А вот Власова с дорогим портфелем она при выходе не заметила. Совсем не заметила.

— Странно, — пробормотала Раиса Степановна себе под нос.

Она дождалась, пока последние пассажиры покинут вагон, и пошла по коридору, заглядывая в купе. Пусто, пусто, скомканное бельё, забытый кем-то журнал. Дошла до четвёртого, отодвинула дверь — и замерла на пороге.

В купе царил беспорядок. Нет, не просто дорожный беспорядок, какой остаётся после долгой ночи в пути. Тут было что-то другое. Нижняя полка справа, тринадцатое место, была смята так, будто на ней боролись. Матрас сбился к стене, простыня сползла на пол, подушка валялась в углу. Столик у окна был перевернут набок — точнее, не сам столик, он привинчен, а всё, что на нём стояло: пустая бутылка минералки укатилась под полку, два стакана в подстаканниках опрокинуты, чайные ложки рассыпаны по полу. А на полу, у самой двери, темнело пятно — небольшое, бурое, успевшее подсохнуть.

Но больше всего Раису Степановну поразило другое. Под нижней полкой, наполовину задвинутый, стоял дорогой кожаный чемодан. Тот самый. А рядом, на крючке у окна, висело дорожное пальто. Пальто Власова.

— Господи, — выдохнула проводница, прижав руку к груди. — Куда ж он делся-то?

Она ещё с минуту стояла, оглядывая разгром, а потом, как была, в форменном жилете, бросилась по коридору к выходу — звать начальника поезда.

Через полчаса перрон Заозёрска, ещё недавно пустынный, ожил. У восьмого вагона стояла белая «Газель» с синей надписью «Центр криминалистических исследований», рядом —

две полицейские машины и карета скорой, вызванная на всякий случай. ЦКР подключили незамедлительно: исчезновение пассажира из движущегося поезда, следы борьбы, кровь в купе — обстоятельства, при которых о простой потеряшке речи не шло.

Из «Газели» выбрался следователь — мужчина лет сорока пяти, среднего роста, плотный, с коротко стриженными седеющими волосами и спокойным, чуть прищуренным взглядом человека, которого трудно чем-либо удивить. Звали его Кирилл Дмитриевич Завьялов. Двадцать лет в розыске, потом в ЦКР, и за эти годы он усвоил одну простую истину: люди не исчезают бесследно. Если человек был — значит, есть и след. Надо только уметь его прочесть.

За Завьяловым из машины выпорхнула эксперт-криминалист — миниатюрная женщина с собранными в тугой хвост тёмными волосами и цепким взглядом, Марина Алексеевна Ковалёва, гроза любых небрежностей на месте происшествия. Замыкал группу молодой оперативник Игорь Лапин — рослый, энергичный парень с открытым лицом и неуёмной любознательностью, недавно переведённый в отдел и оттого работавший с удвоенным рвением.

— Рассказывайте, — коротко бросил Завьялов, подходя к взволнованной проводнице, которую под локоть поддерживал начальник поезда.

— Так я ж говорю, товарищ следователь, — затараторила Раиса Степановна, комкая платок. — Четверо в купе ехало. Двое студентов ночью сошли, на Кедровой. Потом — двое мужчин оставались. Сосед на нижнем напротив и этот, Власов, с портфелем. Сосед вышел тут, в Заозёрске, я его видела. А Власова — нет. Не выходил он. А вещи его все на месте — и чемодан, и пальто. Куда ж человек без пальто, без вещей денется? Да ещё и кровь там, и всё перевёрнуто.

— Когда вы в последний раз видели Власова живым? — спросил Завьялов.

Проводница задумалась, наморщив лоб.

— Да вечером ещё. Часов в одиннадцать, может, в половине двенадцатого. Я чай разносила. Он чай брал, два стакана — себе и соседу. Сидели они, разговаривали. Мирно вроде. Я ещё подумала — попутчики разговорчивые попались, повезло им скоротать дорогу. А ночью я задремала у себя, чего скрывать. Под утро только встала, к прибытию готовиться. И больше его не видела.

— А сосед? Как он выглядел, этот сосед?

— Высокий. Лет тридцати пяти — сорока. В тёмной ветровке, с капюшоном. Сумка спортивная, большая такая, серая. Лицо... да я толком и не разглядела, он всё отворачивался, капюшон надвигал. Неразговорчивый со мной был, хотя с Власовым-то они вечером болтали. Билет у него до Заозёрска был, как и у Власова. Фамилия... вот сейчас не вспомню. В ведомости посмотреть надо.

— Посмотрим обязательно, — кивнул следователь. — Марина, в купе. Игорь, бери ведомость, список всех пассажиров вагона, кто где сидел, кто на каких станциях сходил. И записи камер с вокзала запроси — кто выходил из восьмого вагона. Особенно этот, в ветровке с сумкой.

Группа разошлась. Завьялов поднялся в вагон следом за Ковалёвой и прошёл в четвёртое купе. Эксперт уже натянула перчатки и склонилась над бурым пятном на полу.

— Ну, что скажешь? — спросил следователь, остановившись в дверях и оглядывая разгром цепким взглядом.

— Кровь, — не оборачиваясь, ответила Марина. — Точно кровь, не вино, не чай. Сейчас экспресс-тест сделаю, но и так вижу. Немного, правда. Не лужа. Пара капель да небольшой потёк. Будто человека ударили, разбили губу или нос, может, рассекли бровь. Или порезали слегка. Для смертельной раны маловато.

— Уже кое-что. — Завьялов прошёлся взглядом по смятой полке, по перевёрнутым стаканам. — Дрались тут. Боролись. Видишь, как матрас сбит? И стол. Не пьяная возня, нет. Серьёзная схватка. Двое мужчин сцепились в тесном купе.

— А вот это интересно. — Ковалёва указала пинцетом на оконную раму. — Окно. Гляньте, Кирилл Дмитриевич. Защёлки отщёлкнуты. Обе. Окно в купе открывается ведь только наполовину, для проветривания, и то с трудом — а тут кто-то его до упора опустил. И на раме, по краю, — вот, видите? — потёртость свежая. И ниточки зацепились. Тёмные. Будто протаскивали что-то. Или кого-то.

Завьялов подошёл ближе, наклонился к окну. По спине пробежал неприятный холодок — то самое чувство, что появлялось всякий раз, когда дело оборачивалось скверной стороной. Он высунулся в приоткрытое окно, глянул вниз, на колею, убегающую вдаль вдоль перрона. Поезд шёл всю ночь. Где-то там, на сотнях километров пути, в темноте, под стук колёс...

— Думаешь, в окно? — тихо спросил он.

— Думаю, что окно открывали не для того, чтоб подышать, — мрачно отозвалась Марина. — Осенью, ночью, на ходу. И ниточки эти, и потёртость. Нехорошее окно, Кирилл Дмитриевич. Очень нехорошее.

Следователь выпрямился, окинул взглядом купе ещё раз. Чемодан под полкой. Пальто на крючке. Дорогой человек, ехавший до конечной, со всеми вещами — и вдруг исчезнувший бесследно среди ночи. Перевернутый стол, кровь на полу, следы борьбы. Открытое настежь окно с подозрительными следами на раме. И сосед в надвинутом капюшоне, который сошёл с поезда первым, отворачивая лицо, с большой спортивной сумкой.

— Кирилл Дмитриевич! — В купе заглянул раскрасневшийся Лапин, размахивая бумагами. — Я по ведомости пробил. Сосед Власова — место четырнадцать, нижнее. Записан как Терёхин Олег Николаевич. Билет до Заозёрска, всё верно. Но я тут вокзальные камеры быстро глянул — мне дежурный показал. И вот что странно: человек с большой серой сумкой, в тёмной ветровке, из восьмого вагона вышел, всё как проводница говорит. Но он не в город пошёл. Он сразу свернул к пригородным кассам и взял билет на электричку. Уехал. Двадцать минут назад. В сторону Сосновки.

Завьялов и Ковалёва переглянулись.

— Сбегает, — коротко произнёс следователь. — Не домой, не в гостиницу. Сразу на электричку, прочь из города. Человек, который ехал в одном купе с пропавшим. Который сошёл, пряча лицо.

Он шагнул к выходу, на ходу отдавая распоряжения:

— Игорь, ориентировку на Терёхина — немедленно. Электричку на Сосновку — встретить на ближайшей станции, где остановка. Пусть наряд проверит всех пассажиров, особое внимание — высокий мужчина в тёмной ветровке с серой спортивной сумкой. Не задерживать пока, только установить и не упускать из виду. Марина, тут всё отработай по полной — кровь, отпечатки, ниточки с окна, чемодан вскрой, посмотри, что внутри. Мне нужно знать, кто такой Власов и зачем ехал.

— А вы куда, Кирилл Дмитриевич? — спросил Лапин.

Завьялов остановился в тамбуре, глядя сквозь мутное стекло на серый, морозящий перрон Заозёрска.

— А я, Игорь, буду искать самого Власова. Точнее, то, что от него осталось. — Он помолчал. — Поезд шёл всю ночь. От Кедровой, где сошли студенты, и до Заозёрска — это часов семь пути. Семь часов, в течение которых в этом купе что-то произошло. И если я прав насчёт окна, то где-то на этом перегоне, вдоль путей, лежит человек. Поднимай железнодорожников, запрашивай график движения, все остановки, все перегоны между Кедровой и Заозёрском. Будем прочёсывать насыпь.

Он спустился на перрон, поднял воротник от дождя и ещё раз оглянулся на восьмой вагон «Северной стрелы» — обычный синий вагон, каких тысячи, в котором минувшей ночью бесследно растворился человек по фамилии Власов. Оставив после себя только дорогой чемодан, пальто на крючке, пятна крови на полу да распахнутое в осеннюю тьму окно.

«Люди не исчезают бесследно, — мысленно повторил Завьялов свою старую истину. — Особенно из запертого на ходу поезда. Кто-то очень хотел, чтобы Артём Власов исчез. И этот кто-то сейчас трясётся в электричке на Сосновку, прижимая к себе серую спортивную сумку. Интересно, что же в ней такого, ради чего стоило выбрасывать человека из окна на полном ходу?»

Ответа пока не было. Но следователь Кирилл Завьялов знал: он непременно его найдёт. Дорога к разгадке только начиналась — и вела она по стальной колее, сквозь дождь и туман, туда, где под насыпью, среди мокрой осенней травы, ждал своего часа главный свидетель этой ночной трагедии. А может, и сама жертва.

Глава 2. Купе

Восьмой вагон «Северной стрелы» отцепили от состава и загнали на запасной путь в дальнем конце станции Заозёрск — чтобы не мешал движению, и чтобы криминалисты могли работать без спешки и посторонних глаз. Дождь к полудню зарядил по-настоящему, барабанил по крыше вагона мерной дробью, и в четвёртом купе, где трудилась Марина Ковалёва, было сумрачно и зябко, несмотря на включённый переносной прожектор, заливавший тесное пространство резким белым светом.

Завьялов вернулся с насыпи под вечер — продрогший, в забрызганных грязью ботинках, с лицом серым от усталости. Прочёсывание перегона между Кедровой и Заозёрском результатов пока не дало: семь часов пути, сотни километров колеи, и где именно на этом бесконечном стальном пути искать тело — оставалось загадкой. Железнодорожники подняли график, отметили все остановки, все замедления, но участок был слишком велик. Поисковые группы с собаками только начали отрабатывать самые вероятные отрезки — там, где поезд сбавлял ход на закруглениях и подъёмах.

— Ну, Марина, — следователь тяжело опустился на нижнюю полку напротив, стянул мокрую куртку. — Порадуй меня. У тебя тут хоть тепло и сухо. И, надеюсь, есть чем меня обрадовать. Потому что на насыпи — глухо. Как сквозь землю провалился наш Власов.

Ковалёва выпрямилась, отложила пинцет и стянула перчатки. Глаза её, несмотря на долгие часы работы, горели тем самым азартом, который Завьялов знал хорошо: эксперт нарыла что-то стоящее.

— Обрадую, Кирилл Дмитриевич. И не раз. Давайте по порядку, как я люблю. — Она присела на корточки у перевёрнутого столика и обвела рукой купе. — Начнём с картины боя. Тут была драка, и драка нешуточная. Я зафиксировала всё: смещение матраса, отпечатки на пыльной поверхности под полкой, царапины на пластике стен. Двое мужчин боролись на ограниченном пространстве. Один прижимал другого вот сюда, к стене у окна, — видите, на стеновой панели смазанный отпечаток ладони, крупной, мужской? А второй упирался, цеплялся за стол — на краю столешницы следы пальцев, будто человек хватался, пытаясь удержаться.

— Кто кого? — коротко спросил Завьялов.

— А вот тут самое интересное. — Марина указала на бурое пятно у двери. — Кровь, как я и говорила, подтвердилась — человеческая. Группу определю в лаборатории, но крови мало. И капли расположены характерно — вот, цепочкой от полки к двери. Будто раненый человек двигался или его двигали в сторону выхода. Но! — Она подняла палец. — Основная схватка была не у двери, а у окна. И финал её, судя по всему, разыгрался именно там. У окна.

Завьялов перевёл взгляд на оконную раму, всё ещё опущенную до упора. Снаружи по стеклу стекали струи дождя.

— Окно, — проговорил он. — Ты с утра на него грешила.

— И не зря грешила. — Ковалёва поднялась, подошла к раме. — Я его обработала полностью. Смотрите. На внутренней стороне рамы, по нижнему краю, — свежие глубокие потёртости. Лак содран, металл оголён. Что-то тяжёлое протаскивали через этот край, с силой. Ниточки, что я утром нашла, — отправила на анализ, но визуально это синтетика, тёмная, похоже на ту самую ветровку. Или на брюки. И вот ещё. — Она поднесла прожектор ближе. — На внешней стороне рамы, уже снаружи, — мазок. Бурый. Кровь. Понимаете, что это значит? Человек, истекающий кровью, контактировал с внешней стороной оконной рамы. Снаружи. Со стороны улицы. На ходу поезда.

В купе повисла тишина, нарушаемая лишь стуком дождя. Завьялов медленно встал, подошёл к окну, провёл пальцем в перчатке вдоль ободранного края рамы.

— То есть его вытолкнули, — глухо произнёс он. — Через это окно. Раненого, оглушённого. На полном ходу, ночью. И он, цепляясь, оставил кровь на раме снаружи.

— Картина именно такая, — кивнула Марина. — Я не люблю забежать вперёд, но факты складываются однозначно. Власова — или того, кто тут был на его месте, — после драки вытолкнули в окно. Живого или мёртвого — пока сказать не могу. Крови в купе мало, значит, в купе его, скорее всего, не убили. Оглушили, ранили — да. А добило его, вероятнее всего, падение. Или то, что было после падения.

Завьялов отошёл от окна, сел обратно на полку и потёр лицо ладонями.

— Хорошо. Драка, окно, кровь. Это мотив насилия. Теперь — кто. Отпечатки сняла?

— Сняла. — Ковалёва оживилась, достала планшет. — И тут второй подарок. В купе масса отпечатков — что естественно, тут ехало четверо плюс проводница. Но я выделила свежие, оставленные явно в ночь происшествия. На столе, на оконной раме, на дверной ручке. И вот что вышло. Часть отпечатков — это сам Власов, я сверила с теми, что на его личных вещах, на бритвенном приборе из несессера, на телефоне — телефон, кстати, остался в чемодане, без зарядки, разряжен в ноль. А вторая часть свежих отпечатков — чужие. Крупные, мужские. И они везде: на столе, на раме окна, особенно много — на раме. Тот, кто открывал окно и толкал через него, держался за раму. Эти отпечатки я уже прогнала по базе.

— И? — Завьялов подался вперёд.

— И есть совпадение. — Марина повернула планшет к следователю. — Только вот фамилия не Терёхин. Совпадение в базе — на некоего Корнева Дмитрия Павловича. Ранее судим. Дважды. Первый раз — за грабёж, второй — за разбой с причинением вреда здоровью. Освободился полтора года назад. Вот его фото из дела.

Завьялов взглянул на экран. С фотографии смотрел мужчина лет под сорок — резкие черты лица, тяжёлый взгляд, короткая стрижка. Лицо человека, которому не привыкать брать чужое силой.

— Терёхин Олег Николаевич, — медленно проговорил следователь. — А отпечатки — Корнева Дмитрия Павловича. Значит, наш «сосед по купе» ехал по чужим документам. По поддельному билету или по краденому паспорту. Грамотно. Купил билет на левое имя, чтобы по ведомости его потом не нашли. А отпечатки-то стереть не сообразил. Или не успел.

— Или был уверен, что тело не найдут, а без тела и дела нет, — заметила Марина. — Многие так думают. И многие на этом горят.

— Это точно. — Завьялов поднялся, прошёлся по тесному купе. — Так. Личность установлена. Корнев, рецидивист, грабитель. Едет по чужим документам в одном купе с состоятельным Власовым. Ночью между ними драка. Власова выбрасывают в окно. Корнев-«Терёхин» утром первым выходит с поезда, пряча лицо, с большой серой сумкой, и тут же бежит на электричку прочь из города. Картина проясняется. Осталось понять — из-за чего. Что не поделили? Чемодан Власова на месте, пальто на месте. Грабитель не взял дорогие вещи?

— А вот тут, Кирилл Дмитриевич, и кроется разгадка мотива. — Ковалёва присела у открытого чемодана, который стоял теперь на нижней полке распахнутым. — Я чемодан осмотрела. Дорогие вещи — костюм, рубашки, часы в футляре, ноутбук. Всё на месте. Грабитель ничего этого не тронул. Станный грабитель, согласитесь. Зачем убивать человека и оставлять часы и ноутбук?

— Незачем, — кивнул следователь. — Если только он не искал что-то конкретное. Что-то, что стоило дороже часов и ноутбука вместе взятых.

— Именно. — Марина извлекла из чемодана плоский кожаный портфель — тот самый, который, по словам проводницы, Власов не выпускал из рук. — Вот этот портфель проводница описывала. Власов с ним не расставался. Сейчас он пустой. Совершенно. Ни единой бумажки, ни документа. Только вот это. — Она раскрыла портфель и показала внутреннее отделение. — Видите? Внутри — следы. Прямоугольные вмятины на коже, потёртости. Будто тут лежали

плотные пачки чего-то. Стопками. Ровными, увесистыми стопками. И ещё — вот, зацепилась за подкладку.

Она поднесла к свету пинцет. В зажиме желтела узкая бумажная полоска — банковская банкнотная лента, какими перетягивают пачки купюр.

— Деньги, — выдохнул Завьялов. — В портфеле были деньги. Много денег. Пачками, перетянутыми лентой.

— Похоже на то, — подтвердила эксперт. — Судя по вмятинам — портфель был набит плотно. Если это были крупные купюры... сумма серьёзная. Очень серьёзная. И вот её-то и нет. Ни денег, ни портфельного содержимого. Чемодан с барахлом грабитель бросил, а деньги забрал. Те самые деньги, что теперь, надо думать, едут в серой спортивной сумке в сторону Сосновки.

Завьялов медленно опустился на полку, сложил руки и задумался. Картина обретала чёткость, как проявляемая фотография. Состоятельный человек, Власов, везёт в портфеле крупную сумму наличными. Зачем? Куда? К конечной станции, в Заозёрск. Едет ночным поездом, бережёт портфель пуще глаза. А в соседях у него — рецидивист, грабитель, путешествующий по чужим документам. Случайность ли? Или Корнев знал о деньгах заранее, вычислил жертву, специально взял билет в это купе?

— Марина, ты понимаешь, что это меняет дело, — произнёс он наконец. — Это уже не пьяная ссора попутчиков. Это спланированное ограбление. Корнев либо знал про деньги, либо узнал в дороге — может, Власов проговорился, может, портфель приоткрылся. Дождался ночи, когда студенты сошли и они остались вдвоём. Напал. Завязалась драка — Власов сопротивлялся, защищал портфель. Корнев его одолел, оглушил, выпотрошил портфель. А чтобы избавиться от свидетеля и от тела — выбросил в окно. На ходу. В темноту. В расчёте, что тело не скоро найдут, а к тому времени он будет уже далеко, да ещё и под чужим именем.

— Складно, — согласилась Ковалёва. — И улики все в строку. Отпечатки Корнева на раме окна. Кровь Власова снаружи. Опустошённый портфель с банковской лентой. Бегство на электричке. Чужие документы. Не хватает двух вещей, Кирилл Дмитриевич. Самого Корнева — с деньгами и сумкой. И самого Власова — чтобы понять, жив он или мёртв, и подтвердить картину.

— Корнева возьмём, — твёрдо сказал Завьялов. — Лапин уже сел ему на хвост, электричку встретят. А вот Власов... — Он покосился на тёмное окно, за которым лил дождь и сгущались сумерки. — Власова надо найти раньше, чем его найдут вороны да лисы. Если он жив — каждый час на счету. Осенняя ночь, раненый человек под насыпью, без сознания, без помощи. Это смертный приговор сам по себе, даже без падения.

В этот момент в кармане у следователя завибрировал телефон. Он глянул на экран — Лапин. Поднёс трубку к уху.

— Слушаю, Игорь.

— Кирилл Дмитриевич! — голос оперативника звенел от возбуждения. — Электричку на Сосновку наши перехватили на станции Берёзовая! Терёхин-Корнев там! Сидит в третьем вагоне, серая сумка при нём, на коленях держит, не выпускает. Наряд его пасёт, как вы велели, — не трогают пока, только глаз не спускают. Братъ?

Завьялов сжал телефон. Вот она, развязка, — близко, в руках. Но он усилием воли заставил себя не торопиться.

— Не брать пока. Пусть ведут. Доедет до Сосновки — там и встретим, тихо, без шума, чтоб не дёрнулся и сумку не сбросил. Мне эта сумка нужна целой, с содержимым. Я выезжаю в Сосновку. Игорь, и вот ещё что — срочно подними всё на Власова Артёма Сергеевича. Кто такой, чем занимается, откуда деньги, к кому ехал в Заозёрск. Мне нужно знать, зачем человек вёз полный портфель наличных через полстраны. Понял? Это ключ ко всему.

— Понял, Кирилл Дмитриевич! Уже копаю!

Завьялов убрал телефон и повернулся к Ковалёвой, которая аккуратно упаковывала пустой портфель в пакет для вещдоков.

— Корнева ведут до Сосновки. Деньги при нём, в сумке. — Следователь накинул ещё влажную куртку. — А я туда выезжаю. Ты тут заканчивай — кровь, отпечатки, ниточки, всё в лабораторию, заключение мне нужно официальное. И группу крови Власова установи обязательно — чтоб сличить с тем мазком на раме снаружи. Если совпадёт — а оно совпадёт — петля на шее Корнева затянется намертво.

— Сделаю, — кивнула Марина. — Кирилл Дмитриевич, а как думаете — жив Власов?

Завьялов задержался в дверях купе, оглядел напоследок место преступления — смятую полку, перевёрнутый стол, опустевший портфель, распахнутое в осеннюю тьму окно, через которое минувшей ночью вытолкнули человека.

— Не знаю, Марина, — честно ответил он. — Выпасть из поезда на ходу — это почти верная смерть. Почти. Но я двадцать лет в розыске, и поверь — люди иногда выживают там, где, кажется, выжить невозможно. Цепляются за жизнь зубами. Будем искать. И будем надеяться. А Корнев нам про эту ночь всё расскажет. До последней минуты. До последнего удара. Я ему такой возможности не упущу.

Он вышел из вагона в сырые сумерки. Дождь не унимался, и где-то там, в темноте, под мокрой насыпью, всё ещё ждал своего часа человек по фамилии Власов — живой или мёртвый. А в электричке, ползущей сквозь дождь к станции Сосновка, сидел убийца, прижимая к груди серую спортивную сумку, набитую чужими деньгами, и не знал ещё, что петля вокруг него уже затянута и каждый стук колёс приближает его не к спасению, а к расплате.

Глава 3. Попутчики

Станция Сосновка встретила Завьялова тем же промозглым дождём, что и весь этот бесконечный день. Маленький деревянный вокзальчик, тусклые фонари, лужи на разбитом перроне. Электричка из Берёзовой прибыла по расписанию, и братья Корнева решили чисто, без суеты, как и задумали. Двое оперативников в штатском вошли в третий вагон с обоих концов, ещё двое перекрыли выход на перрон. Корнев — он же по документам Терёхин — сидел у окна, прижимая к груди серую спортивную сумку, и нервно поглядывал в темноту за стеклом. Когда крепкие руки легли ему на плечи, он дёрнулся, рванулся было, но поздно: щелчок наручников оборвал его свободу.

— Не дёргайся, Дмитрий Павлович, — спокойно сказал Завьялов, подходя. — Или тебе привычнее Олег Николаевич? Будем разбираться, кто ты на самом деле. И что у тебя в сумочке.

Корнев побледнел, услышав своё настоящее имя, и сразу как-то сник, обмяк. Сумку у него аккуратно изъяли, при понятых, под протокол — её Завьялов вскрывать на перроне не стал, отложил до возвращения, чтобы всё было по закону, чтоб ни один адвокат потом не подкопался. Задержанного увезли в изолятор, а следователь, едва переведя дух, развернулся обратно — в Заозёрск. Дело только набирало обороты, и теперь, когда главный подозреваемый был в руках, требовалось укрепить картину свидетельскими показаниями. Корнев пока молчал, как партизан, твердил одно: «Ничего не знаю, спал всю ночь, ваш Власов сам куда-то делся». Значит, нужно было прижать его фактами.

А факты давали попутчики.

К утру следующего дня Игорь Лапин разыскал и доставил в ЦКР всех, кто минувшей ночью ехал в восьмом вагоне «Северной стрелы» и мог хоть что-то видеть или слышать. Завьялов разместился в кабинете и принялся вызывать их по одному.

Первой вошла та самая молодая пара — студенты, занимавшие верхние полки в четвёртом купе, прямо над Власовым и Корневым. Сошли они, как помнила проводница, на станции Кедровая, среди ночи. Парень, худощавый, в очках, по имени Антон, и девушка, Лиза, тоненькая, испуганная, держались за руки и явно робели.

— Расскажите, что помните, — мягко начал Завьялов. — Вы ехали в одном купе с Власовым и его соседом. Что между ними происходило? О чём говорили?

Антон откашлялся.

— Мы сели в Москве, как и они. Поначалу всё мирно было. Этот, на нижней полке, ну, сосед, который, — он сразу к Власову подсел, разговорился. Общительный такой, навязчивый даже. Всё расспрашивал: куда едете, по делам или как, далеко ли. А Власов... он сдержанный был. Отвечал коротко. И портфель свой всё к себе прижимал, под подушку даже пытался засунуть.

— Сосед интересовался портфелем? — насторожился следователь.

— Да, — кивнула Лиза тихо. — Я заметила. Он так... поглядывал на этот портфель. Раза два спросил, мол, что везёте, не золото ли. Шутил вроде. А Власов отшутился, сказал — документы рабочие. Но видно было, что нервничает. Прижимал портфель крепче.

— А ссоры не было? Когда вы сходили?

— При нас — нет, — сказал Антон. — Мы в Кедровой вышли, это часа в два ночи. Они оба не спали. Сосед чай предлагал Власову, бутылку какую-то доставал из сумки, выпить звал. А Власов отказывался. Напряжённо как-то было. Мы, честно, рады были выйти — неуютно в купе сделалось. Будто гроза собиралась.

Завьялов отпустил студентов, поблагодарив. Картина обрастала деталями: Корнев с самого начала «пас» жертву, интересовался портфелем, спаивал — видимо, рассчитывал, что захмелевшего Власова легче будет одолеть. Не вышло — Власов пить отказался.

Следующим вошёл пассажир из соседнего, третьего купе — грузный мужчина средних лет, командировочный по фамилии Зыков, ехавший в Заозёрск на завод. Этот был говорлив и держался уверенно, со своей версией наготове.

— Я вам так скажу, товарищ следователь, — заявил он, усаживаясь. — Слышал я ночью шум. Стенка-то между купе тонкая. Возня была, удар такой глухой, будто упало что тяжёлое. Я ещё проснулся, подумал — чемодан с полки свалился. А потом — голоса. Приглушённые. Один вроде вскрикнул. Я, грешным делом, решил — пьяные дебоширят. У нас же как: сядут мужики, нальют, потом и до драки. Я постучал в стенку, чтоб уgomонились. Шум и стих. Я и заснул опять.

— Во сколько это было? — быстро спросил Завьялов.

Зыков задумался.

— Да часа в три, в начале четвёртого. Точно сказать не могу, на часы не глядел. Но уже после того, как поезд Кедровую прошёл, — мы как раз тогда стоянку имели, я от толчка проснулся, а потом снова задремал, и вот эта возня.

— А что за версия у вас, вы сказали? — уточнил следователь.

— Так пьянка же! — уверенно заявил Зыков. — Перепились, повздорили, подрались. Может, один другого и пырнул сгоряча, а потом протрезвел, испугался да сбежал. Знаю я эти поездные истории. Сколько раз бывало.

Завьялов кивнул, не разубеждая. Но про себя отметил главное: время. Около трёх ночи, вскоре после Кедровой, где сошли студенты. Глухой удар — падение тела на полку? — и приглушённый вскрик. Всё сходилось.

Третьей вызвали женщину из пятого купе, нервную особу лет сорока по фамилии Грачёва, ехавшую с маленькой собачкой. У неё была своя, совершенно иная версия.

— Я вам вот что скажу, — зашептала она доверительно, наклонившись через стол. — Не было никакой драки. Это всё инсценировка. Я как раз ночью в туалет выходила, мимо четвёртого купе шла. И слышала — там разговор был спокойный. Деловой такой. Один другому говорил что-то про деньги, про то, что «вернуть надо», про «расписку». Никто не дрался! А утром гляжу — одного нет. Я думаю, они сговорились! Власов этот сам сбежал, спрятался, чтоб от долгов уйти или страховку получить. А соседа подставил. Сейчас такое сплошь и рядом — инсценируют гибель, а сами с деньгами скрываются.

— Вы слышали слово «расписка»? — переспросил Завьялов, насторожившись. — И про деньги, про долг? Точно?

— Точно-точно! — закивала Грачёва. — «Долг», «вернуть», «расписка» — вот эти слова. Спокойно говорили, без крика. Потому я и думаю — сговор у них был.

Завьялов поблагодарил и её. Версия о добровольном исчезновении звучала наивно — кровь, следы борьбы, ободранная рама окна никак не вязались с мирным побегом должника. Но вот обрывок разговора, который уловила нервная пассажирка, был на вес золота. Деньги. Долг. Расписка. Это объясняло содержимое портфеля — крупную сумму наличными. Власов вёз кому-то деньги. Возвращал долг. Или, наоборот, ему возвращали.

Последним в кабинет привели проводницу, Раису Степановну, — её Завьялов оставил напоследок, чтобы свести воедино все нити.

— Раиса Степановна, припомните ещё раз вечер, — попросил он. — Когда вы чай разносили. О чём Власов с соседом говорили? Может, что про деньги слышали, про долг?

Проводница пожевала губами, припоминая.

— Да я мимоходом только... Власов, когда я чай подавала, по телефону как раз говорил. Я слышала краем уха, он кому-то сказал: «Не волнуйся, везу всё, до копейки. Завтра к обеду буду, рассчитаюсь, и квиты». Вот так примерно. Я внимания не обратила тогда, мало ли. А сосед его, этот, в это время на полке лежал, вроде дремал. Но я теперь думаю — не дремал

он. Слушал. Глаза прикрыл, а сам слушал. Уж больно резко он глаза-то открыл, когда Власов про деньги говорил.

Завьялов медленно откинулся на спинку стула. Вот оно. Последний фрагмент мозаики встал на место. Власов вёз крупную сумму — «всё, до копейки», чтобы «рассчитаться» и быть «квиты». Долг. И Корнев это услышал. Лежал на полке, притворяясь спящим, и слушал, как состоятельный сосед говорит по телефону о деньгах, которые везёт в портфеле. Вот когда у рецидивиста вспыхнул в глазах хищный огонёк. Вот когда созрел план.

— Спасибо, Раиса Степановна, — проговорил следователь. — Вы очень помогли. Очень.

Когда проводница ушла, в кабинет заглянул Лапин — взъерошенный, с папкой в руках.

— Кирилл Дмитриевич, я по Власову нарыл! Слушайте. Артём Сергеевич Власов, сорок шесть лет, предприниматель из Москвы. Небольшая строительная фирма. И вот что важно: полгода назад он брал крупный займ — не в банке, а у частного лица, у некоего Гордеева, делового партнёра из Заозёрска. Под расписку. Сумма солидная. Срок возврата — как раз эти дни. Я с Гордеевым связался по телефону — тот подтвердил: ждал Власова со дня на день, тот звонил, обещал привезти всю сумму наличными, вернуть долг лично, из рук в руки, и забрать расписку.

— Вот и долг, вот и расписка, — удовлетворённо кивнул Завьялов. — Всё, как пассажирка из пятого купе слышала. Власов вёз деньги Гордееву — вернуть займ. Полный портфель наличных. Через всю страну, ночным поездом. И на свою беду оказался в одном купе с Корневым.

— А Гордеев? — спросил Лапин. — Может, он подстроил? Чтоб и долг не возвращать, и деньги получить?

— Проверим и Гордеева, — кивнул следователь. — Версию отрабатывать надо до конца, всех. Но пока всё указывает на Корнева. Отпечатки его на раме окна. Бегство по чужим документам. Серая сумка, которую он от себя не отрывал. Думаю, в этой сумке мы и найдём ответ. Едем вскрывать.

Он поднялся. Картина сложилась почти полностью: состоятельный должник везёт крупную сумму для возврата займа, рецидивист-сосед подслушивает разговор о деньгах, дожидается, когда схлынут лишние свидетели — студенты сходят в Кедровой, — и под покровом ночи нападает. Драка, удар, ограбление, выброшенное в окно тело. Оставалось последнее — открыть серую сумку и сличить то, что внутри, с пустым портфелем Власова. И найти самого Власова — живого или мёртвого.

— А ниточки, Кирилл Дмитриевич, — добавил Лапин, листая бумаги, — те, с оконной рамы, Марина пробила. Синтетика, тёмно-серая, с ветровки. И волокна совпадают с тканью куртки Корнева — той, что на нём при задержании была. Эксперт уже образец взяла.

Завьялов усмехнулся уголком рта. Петля затягивалась всё туже. Волокна с куртки на раме окна, через которое выбросили человека. Отпечатки на той же раме. Чужие документы. Бегство. И серая сумка, ждущая своего часа в комнате вещдоков.

— Хорошо работаешь, Игорь, — похвалил он. — Теперь — к сумке. И к Корневу. Пора этому «спящему попутчику» рассказать нам, что же на самом деле случилось в четвёртом купе минувшей ночью. А заодно — куда именно он вытолкнул Власова. Потому что человек всё ещё там, под насыпью. И я очень хочу успеть.

За окном кабинета по-прежнему моросил дождь. Где-то на сотнях километров стальной колеи между Кедровой и Заозёрском, среди мокрой осенней травы, лежал человек, вёзший чужие деньги, чтобы честно расплатиться по долгам. И только два человека на свете знали точно, где именно: один — мёртвый или умирающий, под насыпью. А второй — живой, в наручниках, в холодной камере изолятора, упрямо твердящий, что всю ночь спал и ничего не видел.

Завьялов накинул куртку и шагнул к двери. Молчание Корнева скоро будет сломлено — фактами, уликами, показаниями попутчиков. А самое главное доказательство дожидалось в серой спортивной сумке. Развязка была близка, и следователь чувствовал её, как охотник чует близкого зверя, — каждой жилкой, каждым нервом.

Глава 4. Долг

Комната для хранения вещественных доказательств в Заозёрском отделе ЦКР была тесной, без окон, с металлическими стеллажами вдоль стен и одним-единственным столом под яркой лампой. Сюда Завьялов и доставил серую спортивную сумку, изъятую у Корнева. Вскрывать её следовало по всем правилам — при понятых, при эксперте, под протокол и видеозапись, — чтобы ни одна буква впоследствии не вызвала сомнений в суде. Марина Ковалёва, успевшая к этому часу вернуться из вагона, натянула перчатки и взялась за молнию.

— Открываю, — объявила она негромко, для протокола, и потянула бегунок.

Молния разошлась с долгим хрустом. Завьялов наклонился над столом. Сверху, прикрывая содержимое, лежала та самая тёмная ветровка, скомканная наспех, — и на её рукаве, у манжеты, темнело бурое пятно. Марина осторожно извлекла куртку, развернула, осмотрела.

— Кровь, Кирилл Дмитриевич, — сказала она, указывая пинцетом. — На манжете и на правом рукаве. Брызги и мазок. Возьму на анализ — но, думаю, и тут совпадёт с группой Власова.

Под ветровкой обнаружилась смена белья, бритвенные принадлежности, початая бутылка коньяка — та самая, которой Корнев, видимо, пытался поить Власова. А на самом дне, завернутые в полиэтиленовый пакет, лежали они. Деньги.

Марина извлекала пачку за пачкой, выкладывая на стол ровными рядами. Плотные, перетянутые банковскими лентами, крупные купюры. Понятые — двое сотрудников вокзала — переглядывались, не скрывая изумления. Завьялов молча считал глазами. Сумма выходила внушительная — несколько миллионов, как он и предполагал.

— Вот они, — тихо произнёс следователь. — Долг Власова. Те самые деньги, что он вёз Гордееву.

— И смотрите, Кирилл Дмитриевич. — Ковалёва аккуратно повернула одну из пачек. — Банковские ленты. Точно такие же, как обрывок, что я нашла в портфеле. И номера на лентах последовательные. Если поднять, в каком банке Власов снимал наличные, — а это легко, — ленты совпадут до цифры. Это намертво привяжет деньги из сумки Корнева к опустошённому портфелю Власова.

— А вот это, — Завьялов указал на тонкую сложенную бумагу, торчавшую между пачками, — что такое?

Марина осторожно развернула лист. Это оказалась расписка — пожелтевшая, с печатями, заполненная от руки. Завьялов наклонился, прочёл вслух:

— «Я, Власов Артём Сергеевич, получил от Гордеева в долг сумму...» — Он поднял глаза. — Та самая расписка. Долговая. Которую Власов вёз, чтобы забрать у Гордеева после возврата денег. Чтобы порвать, погасить долг.

— А лежала в портфеле, вместе с деньгами, — задумчиво проговорила Ковалёва. — Логично. Власов вёз и наличные, и расписку — приехать, отдать деньги, получить расписку обратно, уничтожить. Стандартная схема при частном займе. Только вот расписку забрать должен был Гордеев — это его документ. А она оказалась здесь, в сумке Корнева.

Завьялов задумался. Что-то не складывалось в мелочи, и это «что-то» цепляло опытного следователя, как заусенец.

— Стоп, Марина. Расписку обычно держит у себя кредитор — тот, кто дал в долг. То есть Гордеев. А должник, Власов, везёт деньги, чтобы вернуть. Зачем же расписка оказалась у Власова, в его портфеле, по дороге к Гордееву?

Ковалёва пожала плечами.

— Может, Гордеев заранее переслал её Власову? Или они так договорились — Власов привезёт и деньги, и расписку, чтоб при встрече сразу всё закрыть, на месте порвать?

— Возможно, — кивнул Завьялов, но морщинка на его лбу не разгладилась. — А возможно, и нет. Эту деталь надо прояснить. С Гордеевым. Лично. Игорь!

Лапин, дежуривший у двери, заглянул в комнату.

— Гордеев в городе? — спросил следователь.

— В городе, Кирилл Дмитриевич. Я его ещё вчера предупредил, чтоб никуда не отлучался. Готов хоть сейчас приехать.

— Вези. Хочу с ним потолковать. И заодно проверить — а не он ли всё это устроил.

Час спустя в кабинете Завьялова сидел Гордеев — солидный, грузный мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме, с тяжёлым перстнем на пальце и настороженным взглядом. Держался он уверенно, но следователь отметил: пальцы нервно теребят край стола, а на вопросы человек отвечает чуть быстрее, чем следовало бы.

— Расскажите, как вы давали Власову в долг, — начал Завьялов без обиняков.

— Да чего там рассказывать. — Гордеев развёл руками. — Старый знакомый, партнёр. У него фирма строительная подвисла, кассовый разрыв, как это называется. Попросил выручить. Я и выручил, под расписку, по-человечески, без процентов почти. Полгода назад. Срок возврата — эта неделя. Он позвонил, сказал — везу всё наличными, лично, поездом. Я ждал. А он... вон оно как вышло.

— Расписка у кого хранилась? — Завьялов смотрел в упор.

— У меня, само собой, — без запинки ответил Гордеев. — Я ж кредитор. Расписка у меня лежала, в сейфе.

— В сейфе, — повторил следователь медленно. — А вот это любопытно, Сергей Аркадьевич. Потому что расписку мы нашли не у вас в сейфе. Мы нашли её в сумке у человека, который ограбил Власова в поезде. Вместе с деньгами. Как, по-вашему, расписка из вашего сейфа попала в портфель Власова, а оттуда — в руки грабителю?

Лицо Гордеева на мгновение застыло. Он заморгал, облизнул губы.

— Я... я не знаю. Может, я ошибся. Может, я ему отдал расписку раньше. Не помню точно.

— Не помните, отдавали ли вы должнику единственный документ, подтверждающий долг в несколько миллионов? — Завьялов чуть подался вперёд. — Сергей Аркадьевич, такие вещи не забывают. Это всё равно что не помнить, отдал ли ты кому-то ключи от своей квартиры.

Гордеев молчал, и молчание это становилось всё более красноречивым. Завьялов выждал паузу, потом сменил тон — мягче, доверительнее.

— Послушайте. Я не обвиняю вас в нападении. У нас есть человек, который выбросил Власова из поезда, — рецидивист, его отпечатки, его кровь на куртке, деньги при нём. Это его рук дело, и тут сомнений нет. Но мне нужна полная картина. И эта расписка не даёт мне покоя. Расскажите правду — как было. Вам же лучше.

Гордеев тяжело вздохнул, ссутулился. Маска уверенности сползла с его лица.

— Ладно, — глухо проговорил он. — Чего уж теперь. Расписку я и вправду Власову переслал. Заранее. С курьером, неделю назад.

— Зачем? — насторожился следователь.

— Затем... — Гордеев замялся. — Затем, что мы переоформить хотели. Понимаете, в той, старой расписке сумма была указана меньше, чем он фактически взял. Мы по-дружески оформляли, наспех. А потом я добавил ему ещё, и общая сумма выросла. Вот я и хотел, чтоб он привёз все деньги, мы старую расписку порвём, а он мне новую напишет, на правильную сумму, — если вдруг всю сумму сразу не отдаст, остаток-то под новый документ. Я ему старую расписку и переслал — чтоб он её при себе имел, на встрече вернул, и мы всё переоформили чисто.

Завьялов медленно кивнул. Деталь прояснилась, и притом вполне правдоподобно. Гордеев не был похож на заказчика — скорее, на человека, который темнил из-за собственных полузаконных денежных схем и боялся, что его впутают.

— То есть Власов вёз и деньги, и старую расписку, — подытожил следователь. — Всё в одном портфеле. А Корнев, ограбив его, прихватил всё разом — и наличные, и бумагу, не разбираясь, что к чему. Просто выгреб портфель подчистую.

— Видать, так, — кивнул Гордеев и вдруг с надеждой посмотрел на следователя. — А деньги-то? Деньги мои... то есть Власова... они нашлись? Целы?

— Целы, — сухо ответил Завьялов. — И являются вещественным доказательством по делу об убийстве. Или о покушении — это уж как сложится. Так что о деньгах, Сергей Аркадьевич, пока забудьте. Будет суд — будет и решение, кому и что причитается.

Гордеев сник, но Завьялов видел: человек не врёт. Алиби его, к слову, Лапин уже проверил — в ночь нападения Гордеев был дома, в Заозёрске, что подтверждали и домашние, и камеры у подъезда. К поезду он отношения не имел. Просто незадачливый кредитор с не вполне чистыми денежными делишками, чей должник попался по дороге грабителю.

Когда Гордеева отпустили, в кабинет вошла Марина с заключением.

— Кирилл Дмитриевич, по крови готово. Кровь на куртке Корнева, кровь на манжете, кровь в купе и мазок на раме снаружи — всё одной группы. И эта группа — Власова, я сверила с образцом, что взяла с его бритвы и зубной щётки. Совпадение полное. Окончательное подтверждение даст ДНК, но и так картина железная.

Завьялов удовлетворённо откинулся на спинку стула. Цепь замкнулась. Власов вёз деньги и расписку Гордееву, чтобы погасить долг. Корнев, рецидивист по чужим документам, подслушал ночной телефонный разговор о деньгах, дождался, пока сойдут студенты, и напал. Драка, удар, кровь. Ограбленного, оглушённого Власова он вытолкнул в окно на полном ходу — избавиться от свидетеля. Деньги, расписку и всё прочее сгрёб в свою серую сумку и утром сбежал с поезда первым, пряча лицо, чтобы тут же раствориться на электричке. Не учёл только одного — что отпечатки на оконной раме, волокна с куртки и кровь на манжете расскажут всё за него.

— Что ж, — проговорил следователь, поднимаясь. — Мотив есть. Деньги. Самый древний, самый банальный мотив на свете. Человек вёз чужой долг, чтобы поступить честно, расплатиться, по совести. А другой человек решил, что чужие миллионы стоят чужой жизни.

— Теперь к Корневу? — спросила Марина.

— Теперь к Корневу. — Завьялов собрал бумаги в папку. — У меня на руках всё: его отпечатки на раме, его волокна, кровь Власова на его куртке, деньги и расписка в его сумке, банковские ленты, что сойдутся номер в номер. Показания попутчиков. Бегство по чужому паспорту. Этого хватит, чтобы он заговорил. А мне нужно, чтобы он заговорил, — и не только ради протокола.

Он остановился у двери, и лицо его посуровело.

— Мне нужно, чтобы он сказал, где именно вытолкнул Власова. На каком километре, у какого ориентира. Потому что человек до сих пор не найден. Поисковые группы прочёсывают сотни километров вслепую. А Корнев знает точное место. Он один знает. И если Власов ещё жив — а я всё ещё надеюсь, — то его жизнь сейчас зависит от того, как быстро я вытяну из этого мерзавца правду.

Лапин, ожидавший в коридоре, шагнул навстречу.

— Кирилл Дмитриевич, есть новость! С насыпи. Поисковики на сорок седьмом километре, у моста через речку, нашли след — клочок ткани на кустах под откосом и примятую траву, будто что-то тяжёлое скатывалось. Собака след взяла, ведёт вдоль речки. Туда стянули все группы. Если там кто-то есть — найдут в ближайшие часы.

Завьялов сжал папку. Сорок седьмой километр. Мост через речку. Место, где поезд, по графику, как раз сбавлял ход на подъёме перед мостом, — он помнил это из расписания. Всё сходилось.

— Едем, — коротко бросил следователь. — Сначала — на сорок седьмой. А потом — к Корневу. И, видит бог, я заставлю его рассказать всё. От первого слова до последнего удара веслом... то есть до последнего толчка в окно. — Он на миг запнулся, поправился и шагнул в коридор. — Привычка. Всё дела путаются. Но это, Игорь, я доведу до конца. Как и все остальные.

За окном уже смеркалось, а дождь всё лил и лил над Заозёрском, над стальной колеёй, над сорок седьмым километром, где под мокрым откосом, среди примятой осенней травы, поисковики шли по следу, ведущему к человеку, которого минувшей ночью выбросили из поезда за чемодан чужих денег. Развязка была совсем близко. И следователь Кирилл Завьялов знал: завтра он сложит все куски этой ночной трагедии воедино — и предъявит их тому, кто сидел сейчас в холодной камере, всё ещё веря, что молчание его спасёт.

Глава 5. Ночное нападение

Сорок седьмой километр встретил Завьялова низким серым небом и запахом мокрой земли. Поезд здесь и вправду замедлял ход — длинный подъём, потом поворот, а за ним старый железнодорожный мост через узкую, но быструю осеннюю речку. Именно тут поисковая группа с собакой и взяла след. Завьялов, спустившись по скользкому откосу к самой воде, увидел их издали — кинолога, медиков с носилками, людей в оранжевых жилетах, столпившихся у зарослей ивняка под мостом.

— Кирилл Дмитриевич! — окликнул его старший поисковой группы, махнув рукой. — Сюда! Нашли! Живой!

Сердце следователя ёкнуло. Он почти бегом, оскальзываясь, преодолел последние метры. Там, в густой траве, у самой кромки воды, лежал человек. Грязный, мокрый, с запёкшейся кровью на лице, в разорванной одежде. Но — дышащий. Медики уже хлопотали над ним, накрывали термоодеялом, ставили капельницу.

— Власов, — выдохнул Завьялов, опускаясь на колено рядом. — Артём Сергеевич. Вы меня слышите?

Веки раненого дрогнули. Губы, потрескавшиеся, синие от холода, шевельнулись.

— Он... — едва слышно прохрипел Власов. — Сосед... деньги... в окно меня...

— Тихо, тихо, не говорите, берегите силы, — мягко произнёс следователь, накрывая ладонью ледяную руку пострадавшего. — Мы всё знаем. Вы спасены. Теперь главное — выжить.

Врач, измеряя давление, бросил Завьялову через плечо:

— Чудо, что живой. Переохлаждение, перелом руки, рёбра, сотрясение, рваные раны. Но молодой организм, крепкий. Зацепился, видать, за кусты на склоне, скатился, не до самых рельсов долетел. Сознание то приходило, то уходило. Ещё бы ночь под дождём — и всё. Везём в реанимацию, немедленно.

Власова бережно уложили на носилки и понесли вверх по откосу, к карете скорой. Завьялов проводил их взглядом, потом выпрямился, оглядел место. Вот здесь, на этом самом склоне, под мостом, на сорок седьмом километре, и закончился ночной полёт человека, выброшенного из окна поезда. Удача, цепкие ветви ивняка да крепость собственного тела — вот что спасло Власова от верной гибели. Теперь он был главным, живым свидетелем. И теперь песенка Корнева была спета окончательно.

В Заозёрск Завьялов возвращался уже затемно — собранный, жёсткий, готовый к последнему разговору. Корнев ждал в комнате для допросов: ссутулившийся, с серым лицом, но всё ещё цепляющийся за свою линию. Рядом сидел адвокат — молодой, нервный.

— Мой подзащитный ничего не признаёт, — заявил тот с порога. — Он спал. Его сосед сам куда-то делся. Все ваши улики — косвенные.

Завьялов, не спеша сел напротив, разложил папку, включил запись. Посмотрел Корневу прямо в глаза — долго, молча. Тот отвёл взгляд.

— Дмитрий Павлович, — начал следователь ровным голосом. — Я не буду вас уговаривать. Я просто разложу перед вами то, что у меня есть. А вы слушайте. Первое. Вы ехали по чужим документам — на имя Терёхина Олега Николаевича. Паспорт краденый, мы уже установили потерпевшего. Это само по себе статья. Зачем честному человеку чужой паспорт в поездке? Незачем. А вот тому, кто заранее задумал преступление и не хотел светиться в ведомости, — очень даже нужно.

Корнев молчал, глядя в стол.

— Второе. — Завьялов выложил на стол снимок оконной рамы. — Ваши отпечатки. По всей раме. Особенно густо — по нижнему краю, который кто-то с силой опускал до упора и через который что-то тяжёлое протаскивали наружу. Не «что-то». Кого-то. Человека.

Он выложил второй снимок.

— Третье. Волокна с вашей ветровки — той самой, в которой вы выходили из поезда, пряча лицо, — найдены на этой раме. Зацепились, когда вы перекидывали тело через окно.

Третий снимок.

— Четвёртое. Кровь. На манжете вашей куртки, на рукаве, в купе на полу и снаружи на раме — всё это кровь Власова. Одной группы, экспертиза подтвердила, ДНК добьёт окончательно. Как кровь человека, который, по-вашему, «сам куда-то делся», оказалась на вашем рукаве?

Корнев сглотнул, дёрнул кадыком, но смолчал.

— Пятое. — Завьялов положил рядом фотографию вскрытой серой сумки, денег, расписки. — В вашей сумке — несколько миллионов наличными. Перетянуты банковскими лентами, чьи номера совпадают с лентами из опустошённого портфеля Власова и с банковской выпиской о снятии им этих денег. И там же — долговая расписка Власова. Чужие деньги, чужой документ. В вашей сумке. С которой вы не расставались и бежали на электричке прочь из города.

Адвокат заёрзал. Корнев побледнел ещё сильнее.

— И шестое, — медленно произнёс Завьялов, чуть подавшись вперёд. — Самое для вас неприятное, Дмитрий Павлович. Вы ведь рассчитывали, что тела не найдут. Нет тела — нет дела, так вы думали. Привычная логика. — Он сделал паузу. — Так вот. Власов жив.

Корнев вздрогнул всем телом, вскинул голову. В глазах его впервые мелькнул неподдельный, животный страх.

— Жив, — повторил следователь, чеканя слово. — Мы нашли его сегодня. На сорок седьмом километре, под мостом. Зацепился за кусты, скатился по откосу, выжил. Сейчас в больнице, в сознании. И он уже дал первые показания. Сказал ровно три слова, прежде чем его увезли: «Сосед. Деньги. В окно». Понимаете, что это значит? Он вас опознает. Он расскажет всё — как вы напали, как били, как выбрасывали. Ваше слово против слова живого потерпевшего, подкреплённого горой улик. У вас нет шансов, Дмитрий Павлович. Совсем.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Корнев смотрел в одну точку, и было видно, как рушится у него внутри последняя надежда на спасительное молчание. Плечи его обмякли. Адвокат что-то зашептал ему на ухо, но Корнев отмахнулся.

— Всё одно, — глухо проговорил он наконец. — Раз живой... раз говорить будет... — Он криво усмехнулся, и в усмешке этой было больше усталости, чем злобы. — Чёрт. Я ведь думал — насмерть. Думал, на таком ходу — гарантия.

— Рассказывайте, — спокойно сказал Завьялов. — С самого начала.

Корнев помолчал, потёр лицо ладонями в наручниках и заговорил — глухо, отрывисто, словно сбрасывая с плеч ношу, которую больше не мог нести.

— Я его не отслеживал. Случайно вышло. Сел в поезд — паспорт-то чужой, верно, по делам своим темным мотался, светиться не хотел. А он, сосед, сразу видный — пальто, портфель, не выпускает. Я по таким вещам глаз имею. Вечером чай пили, он по телефону говорить стал. Я будто дремал, а сам слушал. «Везу всё, до копейки, рассчитаюсь». Понял — деньги при нём. Большие. В портфеле. — Он сглотнул. — Студенты ночью сошли, в Кедровой. Остались вдвоём. Я выпить предлагал — он ни в какую. Ну, думаю, ладно. Дождался, когда задремлет. Полез за портфелем тихо. А он проснулся. Вцепился. Кричать начал. Я ему — по лицу, чтоб замолчал. Завязалась драка. Тесно, не развернуться. Я его сильнее оказался. Свалил, оглушил. Портфель забрал. А он, гад, в себя приходить стал, шевелится, стонет. Я и подумал — увидит

лицо, опознает, на конечной шум поднимет. Поезд как раз ход сбавил, на подъём шёл. Окно я открыл. Перевалил его через раму и... столкнул. В темноту. Думал — конец ему. Ан нет.

Он замолчал. Завьялов кивнул, не отводя взгляда.

— Где именно столкнули? Какой ориентир?

— Перед мостом, — сказал Корнев. — Через речку мост. Перед ним подъём долгий, поезд еле полз. Там и столкнул. Перед самым мостом.

— Сорок седьмой километр, — тихо произнёс следователь. — Всё сходится. Именно там мы его и нашли.

Он выключил запись, собрал бумаги. Признание было полным, добровольным, в присутствии адвоката, подкреплённым всей цепью улик. Дело замкнулось окончательно — отпечатки, волокна, кровь, деньги, расписка, показания попутчиков, признание преступника и, главное, выживший потерпевший, готовый свидетельствовать.

— Дмитрий Павлович Корнев, — произнёс Завьялов, поднимаясь, — вы обвиняетесь в разбойном нападении и покушении на убийство Власова Артёма Сергеевича. То, что он выжил, — не ваша заслуга. Это случайность. Цепкие кусты да крепкое сердце. Но для суда это означает покушение, а не оконченное убийство. И поверьте — для вас же лучше, что человек остался жив. Хотя это снимет с вашей души один грех. Хотя их там, как я погляжу, накопилось немало.

Корнева увели. Завьялов вышел в коридор, где его ждали Марина и Лапин.

— Сознался? — спросил Игорь.

— Сознался. Полностью. — Следователь устало потёр глаза. — Всё, как мы и реконструировали. Подслушал разговор о деньгах, дождался, пока сойдут студенты, напал, ограбил, выбросил в окно перед мостом. Думал — концы в воду. А концы возьми да выживи.

— Как Власов? — спросила Ковалёва.

— Врачи говорят — вытянут. Тяжёлый, но стабильный. Через пару недель сможет давать развёрнутые показания. — Завьялов чуть улыбнулся, впервые за эти долгие сутки. — Знаешь, Марина, я ведь почти не верил. Выпасть из поезда на ходу, ночью, осенью, под дождём — и выжить. А он выжил. Зацепился за жизнь. Я ж говорил — люди иногда выживают там, где, кажется, невозможно.

Марина улыбнулась в ответ.

— А деньги? Те самые миллионы?

— Пойдут в дело как вещдок. А потом вернутся куда положено — разберётся суд, Власову ли, Гордееву ли. — Завьялов махнул рукой. — Не наша забота. Наше дело — найти правду. И мы её нашли. До последней капли крови на оконной раме.

Они вышли из здания ЦКР в ночь. Дождь наконец-то стих. Над Заозёрском, разрывая тучи, проглядывал бледный кусочек чистого неба, и где-то далеко, за городом, по той самой стальной колее, шёл очередной ночной поезд — россыпь жёлтых огней, уносящихся в темноту.

— Сколько таких поездов проходит каждую ночь, — задумчиво проговорил Лапин, глядя вслед огням. — И в каждом — десятки людей. Чужих друг другу. Запертых в тесных купе до самого утра. И никогда не знаешь, кто едет с тобой рядом, за тонкой стенкой.

— В том-то и дело, Игорь, — отозвался Завьялов, поднимая воротник. — Билет на поезд покупает каждый. А вот куда этот поезд привезёт — порой решает не расписание. А тот, кто оказался на соседней полке. — Он помолчал и добавил тише: — Власову повезло. Не с попутчиком — с попутчиком как раз не повезло страшно. А с тем, что выжил. Что мы успели. На этот раз — успели.

Он сел в машину. Дело «Северной стрелы» было закрыто. Преступник — в камере, с полным признанием. Потерпевший — жив, в больнице, на пути к выздоровлению. Деньги — найдены. Правда — восстановлена, по крупницам, по ниточкам, по каплям крови и отпечаткам на оконной раме.

А где-то впереди, в ночи, уже зрело новое дело — невидимое пока, неназванное, ждущее своего часа. Потому что преступления, как и поезда, никогда не кончаются. И всегда найдётся следователь Кирилл Завьялов, который выйдет на перрон под дождём, поднимет воротник и скажет своё неизменное:

«Люди не исчезают бесследно. Если человек был — значит, есть и след. Надо только уметь его прочесть».

И прочтёт. Как прочёл на этот раз.

Кухня ресторана

Глава 1. Повар мёртв

Ресторан «Серебряная устрица» считался одним из лучших в городе — заведение с лоснящимися чёрными стенами, приглушённым золотистым светом, белоснежными скатертями и ценами, от которых у обычного человека кружилась голова. Сюда приходили не столько поесть, сколько показать себя, заключить сделку за бокалом выдержанного вина, отметить юбилей с размахом. А сердцем этого храма высокой кухни был, без всякого сомнения, шеф-повар Лев Аркадьевич Гаврилов — человек-легенда, гроза поставщиков, мучитель подчинённых и кумир гурманов. Его блюда попадали на обложки журналов, его имя гремело на кулинарных конкурсах, а характер, по слухам, был под стать его таланту — взрывной, властный, не терпящий возражений.

В то холодное ноябрьское утро Гаврилова нашли мёртвым на собственной кухне.

Обнаружила его молоденькая помощница повара, Катя Снегирёва, пришедшая раньше всех, чтобы начать заготовки. Она открыла дверь служебного входа своим ключом, прошла по тёмному коридору, толкнула тяжёлую распашную дверь в основной кухонный цех, щёлкнула выключателем — и закричала так, что крик её, говорят, слышали даже на улице.

Лев Аркадьевич лежал навзничь между разделочным столом и плитой, в своём белоснежном поварском кителе, который теперь был наполовину пропитан кровью. Глаза его были открыты и глядели в потолок, на котором поблёскивали ряды начищенной до зеркального блеска медной утвари. Под телом растекалась тёмная, уже подсохшая по краям лужа.

К девяти утра «Серебряная устрица» была оцеплена. У парадного входа, под золочёной вывеской, толпились перепуганные сотрудники, которых не пускали внутрь. А на кухне работала следственно-оперативная группа Центра криминалистических исследований.

Руководил группой следователь Андрей Викторович Темнов — высокий, сухощавый мужчина лет пятидесяти, с внимательными серыми глазами и неторопливой, обстоятельной манерой, за которой скрывался острый, цепкий ум. За двадцать с лишним лет работы он усвоил простую вещь: место преступления говорит само за себя, надо только уметь слушать. А кухня, считал он, — особое место. Тут полно ножей, огня, кипятка, тяжёлой утвари. Тут страсти кипят не хуже супа в кастрюле.

Рядом с ним колдовала эксперт-криминалист Вероника Павловна Жучкова — энергичная женщина с короткой стрижкой и неизменным скептическим прищуром, мастер своего дела, которую коллеги за глаза звали «рентгеном» за способность видеть то, что ускользало от других. Третьим в группе был молодой оперативник Семён Грачёв — крепкий, обстоятельный парень, дотошный в опросах и неутомимый в беготне.

— Ну, Вероника Павловна, что у нас? — спросил Темнов, остановившись на безопасном расстоянии от тела и оглядывая кухню цепким взглядом.

Жучкова, сидевшая на корточках возле трупа, подняла голову.

— Что у нас, Андрей Викторович... У нас покойник, и покойник не своей смертью. — Она указала затянутой в перчатку рукой. — Колото-резаная рана. Одна, но точная. В левую часть груди, под рёбра, снизу вверх. Удар нанесён с силой, уверенно. Похоже, задето сердце или крупный сосуд — смерть наступила быстро. Крови много, значит, какое-то время сердце ещё качало.

— Время смерти?

— Предварительно — вчера поздним вечером или ночью. Часов с десяти вечера до полуночи, точнее скажу после вскрытия. Трупное окоченение, температура тела, состояние крови — всё указывает на этот промежуток. Тело успело остыть и подсохнуть.

Темнов кивнул, медленно обвёл взглядом кухню. Огромное помещение, выложенное белой плиткой, сверкающее сталью. Несколько разделочных столов, плиты, духовые шкафы, ряды кастрюль и сковород на крюках, холодильные камеры вдоль стены. На одном из столов — недорезанные овощи, рядом доска. На другом — стопка чистых тарелок. Всё чинно, всё на местах. Кроме мёртвого тела посреди этого кулинарного великолепия.

— Орудие? — коротко спросил следователь.

— Пока не нашли, — отозвалась Жучкова. — Рана характерная — нанесена чем-то длинным, узким, очень острым. Однолезвийным. На кухне, сами понимаете, ножей — что иголок в стоге сена. Целые наборы. Буду осматривать каждый. Орудие либо унесли, либо — что вероятнее — поставили обратно на место, в общий ряд. Помыли и поставили. Хитро, если так. Поди потом разбери, какой из десятка одинаковых ножей был в деле.

— Разберёшься, — уверенно сказал Темнов. — Ты у нас «рентген».

— Польстили, — фыркнула эксперт, но в уголках губ мелькнула довольная усмешка. — Постараюсь. И вот ещё, Андрей Викторович. Признаков ограбления нет. Касса в зале цела, я проверила — там выручка за вчерашний вечер, никто не тронул. На покойном дорогие часы, на пальце перстень, в кармане кителя — бумажник с деньгами. Всё на месте. Грабитель так не работает.

— Значит, не ограбление, — задумчиво проговорил следователь. — Значит, личное. Кто-то пришёл сюда — или уже был здесь — именно к Гаврилову. И именно ради того, чтобы его убить.

Он присел, вглядываясь в лицо покойного. Грузный мужчина лет пятидесяти пяти, с породистым, властным лицом, седеющими бакенбардами, тяжёлым подбородком. Даже мёртвый, он сохранял выражение какого-то высокомерного недовольства, будто и на том свете собирался кому-то выговаривать за пережаренный стейк.

— Следов борьбы немного, — заметил Темнов. — Опрокинут вон тот табурет, рассыпаны какие-то приправы. Но в целом — не разгром. Будто всё произошло быстро. Один удар — и конец.

— Согласна, — кивнула Жучкова. — Я тоже думаю — он не ждал. Стоял, может, спиной или вполоборота, занимался чем-то. А нападавший подошёл и ударил. Резко, неожиданно. Гаврилов даже толком сопротивляться не успел. Видите, на руках нет порезов — он не хватался за лезвие, не защищался. Значит, либо знал нападавшего и не опасался, либо удар был исподтишка.

— Либо и то, и другое, — пробормотал следователь.

В этот момент в кухню заглянул Семён Грачёв, отрываясь от блокнота.

— Андрей Викторович, я тут с первичным опросом. Покойный — Гаврилов Лев Аркадьевич, пятьдесят шесть лет, шеф-повар и совладелец ресторана. Доля у него была в этом заведении. Личность известная, медийная даже. Характер, по отзывам персонала... мягко говоря, тяжёлый. Орал на всех, штрафовал за любую мелочь, выгонял людей пачками. Его тут, кажется, мало кто любил. Но боялись все.

— «Мало кто любил, боялись все», — повторил Темнов. — Прекрасное начало для списка подозреваемых. Кто обнаружил тело?

— Помощница, Снегирёва Екатерина. Пришла к восьми утра делать заготовки, открыла своим ключом, нашла. В шоке, отпаивают сейчас валерьянкой в подсобке. Говорит, вчера ушла около девяти вечера, Гаврилов оставался — он часто задерживался, экспериментировал с новыми блюдами, готовил один, никого не пускал.

— Значит, последним уходил поваром он сам, — отметил следователь. — А ключи у кого есть?

— Вот это интересно. — Грачёв заглянул в блокнот. — Ключи от служебного входа — у самого Гаврилова, у администратора, у Снегирёвой как у старшей помощницы и у управляющего рестораном. Но! Сигнализацию вчера на ночь не ставили. То есть после ухода Гаврилова кто угодно с ключом мог войти. Или Гаврилов сам кого-то впустил.

Темнов поднялся, прошёлся вдоль разделочного стола, заложив руки за спину.

— Картина вырисовывается такая, — проговорил он. — Вчера вечером, после закрытия, шеф-повар остаётся один на кухне. Занимается своими делами — готовит, экспериментирует. В промежутке с десяти до полуночи к нему кто-то приходит. Кто-то, кого он либо впустил сам, либо у кого был ключ. Кто-то из своих. Этот человек подходит к нему и наносит один точный удар ножом в грудь. Гаврилов умирает почти мгновенно. Убийца, возможно, моет оружие и ставит на место, в общий ряд ножей, чтобы запутать следствие. Ценности не трогает — ему не нужны деньги. Ему нужна была смерть Гаврилова. И уходит. А утром тело находит помощница.

— Складно, — кивнула Жучкова, упаковывая очередной пакетик с образцом. — И главное — указывает на своих. На кого-то из ресторана. Чужак ключа не имел бы, сигнализацию не знал бы, в ножах бы не разобрался. Это кухонный человек, Андрей Викторович. Кто-то, кто тут работает. Или работал.

— Или работал, — задумчиво повторил Темнов, ухватившись за последнее слово. — Семён, мне нужен полный список персонала. Действующего — и тех, кого уволили за последнее время. Особенно тех, кого уволил лично Гаврилов. С таким-то характером у него врагов должно быть — вся поваренная книга.

— Уже занимаюсь, Андрей Викторович, — кивнул Грачёв. — Управляющий обещал предоставить все кадровые документы. Я так понял, текучка тут была будь здоров — Гаврилов людей менял как перчатки.

Следователь снова обвёл взглядом кухню — сверкающую сталь, медную утварь, ряды ножей на магнитной планке над разделочным столом. Один из этих ножей, возможно, ещё вчера вечером оборвал жизнь человека, а сегодня как ни в чём не бывало висел на своём месте, чистый и блестящий. Темнов чувствовал это нутром.

— Вероника Павловна, — произнёс он. — Первым делом — ножи. Все до единого. Я хочу знать, каким именно из них убили Гаврилова. Это и будет наша отправная точка.

— Будет сделано, — отозвалась эксперт. — Уже присмотрела вон тот набор поварских ножей, у разделочного стола. Профессиональные, дорогие, как раз подходящего профиля. Заберу всё в лабораторию, проверю на следы крови — даже если помыли, микрочастицы в местах крепления лезвия к рукояти остаются. Никуда не денутся. Найду.

Темнов кивнул и направился к выходу из кухни — туда, где в подсобке отпаивали вальерьянкой потрясённую помощницу, а в зале толпился перепуганный персонал. Где-то среди этих людей — или среди тех, кого уже выставили за дверь, — скрывался убийца. Человек, который пришёл ночью на кухню к своему шеф-повару и одним ударом свёл с ним последние счёты.

«Тяжёлый характер, — думал следователь, шагая по коридору. — Орал, штрафовал, увольнял. Создавал врагов. Талантливый человек, гений своего дела — и тиран. Сколько обид накопилось вокруг него за эти годы? Сколько затаённой злобы? И чья рука дрогнула... нет, не дрогнула — твёрдо нанесла этот единственный, точный удар?»

В зале ресторана, под потушенными хрустальными люстрами, его уже ждали. Бледные лица, испуганные глаза, перешёптывания. Официанты, повара, посудомойки, администратор. Кто-то всхлипывал, кто-то держался отстранённо, кто-то нервно теребил край фартука. Темнов остановился в дверях, оглядел собравшихся долгим, внимательным взглядом.

Среди этих людей был тот, кто прошлой ночью держал в руке нож. И следователь Андрей Темнов твёрдо знал: он его найдёт. Кухня уже начала говорить. Оставалось только дослушать её

до конца — до последнего ножа, до последнего фартука, до последней капли крови, вьевшейся туда, где её никто не думал искать.

— Что ж, — негромко произнёс он, доставая блокнот. — Давайте знакомиться. И давайте поговорим о том, каким человеком был Лев Аркадьевич Гаврилов. И кому из вас он успел перейти дорогу.

За окнами «Серебряной устрицы» сыпал первый мокрый снег, а внутри, среди погасших люстр и белых скатертей, начиналось расследование, которому суждено было вскрыть всю подноготную этого блестящего заведения — с его завистью, обидами, тайными мечтами и затаённой жаждой мести.

Глава 2. Острый нож

Лаборатория Центра криминалистических исследований располагалась в цокольном этаже здания ЦКР — просторное помещение с белыми стенами, бестеневыми лампами и длинными столами из нержавеющей стали. Здесь, среди микроскопов, реактивов и приборов, Вероника Павловна Жучкова чувствовала себя как рыба в воде. Если на месте преступления она была собранной и сосредоточенной, то в лаборатории — почти счастливой: тут улики не молчали, тут они говорили с ней на понятном ей языке цифр, реакций и микрочастиц.

На следующее утро после убийства Темнов спустился к ней — без звонка, по привычке. Он знал: если Жучкова что-то нашла, она уже сама рвётся рассказать.

— Андрей Викторович! — Эксперт обернулась от стола, и в глазах её играл азарт. — Я как раз собиралась вам звонить. Заходите, заходите. У меня для вас целая лекция о ножах. И, поверьте, она того стоит.

На стальном столе перед ней были разложены ножи — целый арсенал. Большие и малые, поварские и обвалочные, с широкими и узкими лезвиями. Каждый — в отдельном прозрачном пакете, с биркой и номером. Темнов насчитал штук пятнадцать.

— Вот, полюбуйтесь, — Жучкова обвела рукой свою коллекцию. — Всё, что я изъехала с кухни «Серебряной устрицы». Профессиональный инвентарь, между прочим, дорогущий. Один такой ножик стоит как мой месячный счёт за коммуналку. Но нас интересует не цена, а кровь. Точнее, тот единственный, на котором она осталась.

— И ты нашла его, — не спросил, а скорее констатировал следователь.

— Нашла, — с гордостью кивнула эксперт. — Но дайте я расскажу, как. Потому что наш убийца — человек неглупый. Он сделал то, что я и предполагала: вымыл оружие и вернул на место, в общий набор. На магнитной планке над разделочным столом висели восемь поварских ножей, одинаковых, из одной серии — фирменный комплект. Убийца рассчитывал, что оружие растворится среди собратьев, и поди докажи, какой из восьми был в деле. Логично. Но он не учёл одной вещи.

Она взяла один из пакетов и поднесла к свету.

— Кровь — коварная субстанция, Андрей Викторович. Её можно стереть с поверхности, можно смыть водой с мылом, можно даже отдраить губкой. Но нож — это не цельный кусок металла. Это лезвие, вставленное в рукоять. И в месте соединения, там, где сталь входит в рукоятьку, всегда есть микрощель. Микроскопический зазор. Туда-то кровь и затекает при ударе — и оттуда её уже ничем не вымоешь. Никакая губка не достанет. Я обработала все восемь ножей люминолом и реагентами. Семь — чистые. А вот этот, — она торжествующе потрянула пакетом, — восьмой. В месте крепления лезвия к рукояти — следы крови. Засохшей, вьёвшейся. Я взяла соскоб, прогнала анализ. Кровь человеческая. И группа совпадает с группой крови Гаврилова. ДНК подтвердит окончательно, но я уже не сомневаюсь. Вот оно, оружие убийства.

Темнов взял пакет в руки, разглядывая нож. Внешне — обыкновенный поварской нож, широкое лезвие сантиметров двадцать длиной, удобная чёрная рукоять. Чистый, блестящий. Никто бы и не подумал, что именно он вчера вечером оборвал жизнь человека.

— Значит, оружие — с этой же кухни, — медленно произнёс следователь. — Из рабочего набора. Не принесённое со стороны, не специально припасённое. Убийца взял то, что было под рукой.

— Именно, — подтвердила Жучкова. — И это, Андрей Викторович, важный вывод. Очень важный. Подумайте сами. Если бы убийство планировали заранее, расчётливо, холодно — преступник, скорее всего, принёс бы своё оружие. Чужое, не из ресторана, чтобы не оставлять связи с местом. А тут — схватили кухонный нож, тот, что висел на планке. Это говорит о чём?

— О спонтанности, — кивнул Темнов, уловив её мысль. — Или хотя бы о том, что окончательное решение созрело прямо здесь, на кухне. Человек пришёл — может, поговорить, может, выяснить отношения. А в какой-то момент вспыхнул, схватил первое, что попало под руку, — нож с планки, — и ударил.

— Похоже на то. И характер раны это подтверждает. — Эксперт подошла к экрану, где была выведена схема. — Смотрите. Удар нанесён снизу вверх, в левую часть груди, под рёбра. Точно в сердце. Один-единственный удар, но смертельный. И вот что любопытно: угол и сила удара говорят, что наносил его человек примерно одного роста с Гавриловым или чуть ниже. И стоял он лицом к лицу с жертвой. Не сзади, не сбоку — спереди.

— Лицом к лицу, — повторил следователь. — То есть они стояли друг напротив друга. Разговаривали, может, спорили. И вдруг — удар.

— Да. И ещё деталь. Удар хоть и пришёлся точно, но это не профессиональная работа, не рука убийцы-«мокрушника». Скорее — удача наполовину с яростью. Сильный, эмоциональный удар снизу вверх, который случайно — или, скажем так, по закону подлости — попал точно в цель. Человек бил в ярости, вкладывая всю силу. И попал, куда не целился даже, — в сердце.

Темнов прошёлся по лаборатории, обдумывая. Картина обретала плоть. Не хладнокровный расчёт, не наёмный убийца. Кто-то свой, кто-то с кухни, кто пришёл к Гаврилову вечером, схватил в порыве нож и ударил. Преступление страсти, преступление обиды.

— А отпечатки на ноже? — спросил он, останавливаясь. — Раз убийца его мыл — стёр и пальчики?

— И да, и нет. — Жучкова хитро прищурилась. — Рукоять он протёр, это видно — она подозрительно чистая, ни одного смазанного следа, что для рабочего кухонного ножа странно. Обычно на таких — десятки наслоившихся отпечатков. А тут — голо. Значит, целенаправленно вытерли. Но! — Она подняла палец. — Я сняла кое-что другое. Не с рукояти. С лезвия, у самого основания, осталась микрочастица. Волокно. Текстильное. Тёмное. Зацепилось, когда нож вытаскивали или когда вытирали наспех. Я его изъала, сейчас исследую состав. Если найдём одежду или ткань, откуда оно, — будет ниточка к убийце. В прямом смысле ниточка.

— Хорошо, — кивнул следователь. — Очень хорошо, Вероника Павловна. Значит, подытожим. Орудие — кухонный нож из рабочего набора «Серебряной устрицы», номер восемь по твоей описи. Убийца им воспользовался, вымыл, вернул на планку. Удар — один, в сердце, снизу вверх, лицом к лицу, в ярости, человеком примерно роста Гаврилова или ниже. Отпечатки стёрты, но осталось текстильное волокно. Картина — спонтанное убийство, совершённое кем-то из своих, в порыве сильных чувств.

— В точку, — согласилась эксперт. — И добавлю ещё штрих. Я тут осмотрела кухню повнимательнее, по фотографиям с места. Тот опрокинутый табурет и рассыпанные приправы — помните? Так вот, рассыпана была соль. Крупная морская соль, из открытой банки. И в этой соли — частичный отпечаток подошвы. Смазанный, неполный, но кое-что есть. Рифление, размер. Обувь не поварская — у поваров специальная, с гладкой антискользящей подошвой. А тут — обычный ботинок или туфля с рифлёным протектором. Городская обувь. То есть человек пришёл с улицы, в уличной обуви, не переобувшись в рабочую. Значит, не заступал на смену. Пришёл со стороны. Гость. Или тот, кто уже не работал и пришёл просто так.

Темнов остановился, и в глазах его блеснул интерес.

— Уличная обувь, — повторил он. — Не переобулся в рабочую. То есть человек точно не из тех, кто был на вечерней смене и задержался. Тот переоделся бы. А этот пришёл с улицы — поздно вечером, после закрытия. К Гаврилову. В уличных ботинках. — Он помолчал. — Либо посторонний с ключом, либо... бывший сотрудник. Тот, кто тут больше не работает, но кого Гаврилов мог впустить. Или у кого остался ключ.

— Опять мы возвращаемся к «бывшим», — заметила Жучкова. — К тем, кого уволили.

— Возвращаемся, — кивнул следователь. — И всё настойчивее. Семён как раз поднимает кадры. — Он достал телефон, набрал Грачёва. — Семён, ты где? Что по персоналу?.. Так. Угу. Понял. Жду тебя в кабинете, поднимайся, как закончишь.

Убрав телефон, он повернулся к эксперту.

— Грачёв говорит — список почти готов. Текучка, как и предполагали, бешеная. За последние полгода Гаврилов уволил человек восемь. Поваров, помощников, официантов. Кого за дело, кого по настроению. Несколько человек ушли со скандалом. С этими и будем разбираться в первую очередь.

— А волокно я к тому времени добыю, — пообещала Жучкова. — И отпечаток подошвы по базе прогоню, размер хотя бы определю. Будет вам, Андрей Викторович, с чем сравнивать, когда подозреваемые появятся.

Темнов ещё раз взглянул на нож в пакете — на тот самый, восьмой, что висел среди собратьев и едва не затерялся среди них навсегда. Хитрый ход убийцы — спрятать оружие на самом видном месте, в общем ряду, — едва не сработал. Едва. Но не учёл преступник въедливости «рентгена» Жучковой и её знания о коварных микрощелях, куда затекает кровь и откуда её уже не вымыть никаким мылом.

— Знаешь, что меня во всём этом цепляет, Вероника Павловна? — задумчиво проговорил следователь. — Этот человек действовал противоречиво. С одной стороны — порыв, ярость, спонтанный удар первым попавшимся ножом. А с другой — потом хладнокровно вымыл оружие, вернул на место, протёр рукоять от пальцев. Это уже не порыв. Это расчёт. Будто сначала им двигала ярость, а потом — холодный страх и желание замести следы.

— Так часто бывает, — пожала плечами эксперт. — Сначала аффект — ударил, не думая. А потом адреналин схлынул, человек осознал, что натворил, испугался — и начал заматывать. Мыть, вытирать, прятать. Это очень человеческая реакция, Андрей Викторович. Жуткая, но человеческая.

— Человеческая, — эхом повторил Темнов. — В том-то и беда. Убил не зверь, не маньяк. Убил кто-то обычный. Доведённый до края. Затаивший обиду. — Он направился к двери. — Спасибо, Вероника Павловна. Отличная работа. Оружие у нас есть. Теперь нужен тот, кто держал его в руке. И, чувствует моё сердце, искать его надо среди тех, кого этот блестящий, талантливый и невыносимый человек вышвырнул на улицу.

Он поднялся к себе в кабинет, где его уже поджидал Грачёв с толстой папкой кадровых документов под мышкой. Лицо у оперативника было оживлённое — верный признак того, что он накопил что-то стоящее.

— Андрей Викторович, тут такое! — с порога начал Семён, выкладывая бумаги на стол. — Я по уволенным прошёл. И знаете, что выяснил? Среди тех, кого Гаврилов выгнал, есть очень любопытные персонажи. Но это ещё не всё. Я тут поговорил с кухонными работниками — и оказывается, у Гаврилова был помощник. Правая рука. Су-шеф, Денис Коршунов. Молодой, талантливый, амбициозный. И вот что про него говорят все в один голос: парень спал и видел, как бы занять место Гаврилова. Метил в шефы. А старик его держал в чёрном теле, не пускал наверх, при всех унижал. Между ними последнее время — открытая вражда.

Темнов медленно опустился в кресло, придвинул к себе папку.

— Вот как, — проговорил он. — Помощник, мечтающий о месте начальника. Старая как мир история. Зависть, честолюбие, подавленные амбиции. И смерть шефа открывает ему прямую дорогу наверх. — Он раскрыл папку. — Что ж, Семён. Давай-ка с этого Коршунова и начнём. Очень мне интересно, где был наш честолюбивый су-шеф вчера вечером, с десяти до полуночи. И не было ли на нём, часом, уличных ботинок с рифлёной подошвой. И тёмной одежды, от которой могло оторваться волокно.

За окном кабинета по-прежнему сыпал мокрый ноябрьский снег, а на столе лежала папка с десятком имён — людей, обиженных, униженных, выгнанных и затаивших злобу на блестя-

щего тирана в поварском кителе. И где-то в этом списке, Темнов чувствовал, скрывалось имя того, кто прошлой ночью схватил восьмой нож с магнитной планки и нанёс единственный, роковой удар.

Глава 3. Зависть

Денис Коршунов оказался именно таким, каким Темнов его себе и представлял, — высоким, поджарым мужчиной лет тридцати пяти, с резкими, нервными движениями и горящими тёмными глазами человека, привыкшего держать себя в постоянном напряжении. Он вошёл в кабинет следователя, не дожидаясь приглашения сесть, рухнул на стул и сразу же закинул ногу на ногу — поза вызывающая, защитная.

— Денис Андреевич, — начал Темнов, неспешно раскладывая бумаги. — Вы работали су-шефом у Гаврилова. Правая рука. Второй человек на кухне. Расскажите, какие у вас были отношения.

Коршунов усмехнулся — кривовато, горько.

— Отношения? — переспросил он. — А были ли они вообще, отношения, с этим человеком? У Льва Аркадьевича отношения были только с самим собой. И со своей славой. Все остальные — обслуга. Инструменты. Я был хорошим инструментом, потому он меня и держал. Острым ножом, которым удобно резать. Но человеком он меня не считал. Как и всех прочих.

— Жёстко вы о покойнике, — заметил следователь.

— А чего юлить? — Коршунов резко подался вперёд. — Вы же всё равно узнаете, вам уже наверняка напели. Да, мы цапались. Да, я его терпеть не мог. И что? Полгорода поваров его терпеть не могли. Он был гениальный кулинар и отвратительный человек. Это не я придумал, это все знают.

Темнов откинулся на спинку кресла, разглядывая собеседника. Тот не запирался, не строил из себя скорбящего коллегу — наоборот, выкладывал неприязнь напоказ. Либо искренен до безразсудства, либо очень хитёр и играет на опережение.

— Говорят, вы метили на его место, — произнёс следователь ровным голосом. — Что мечтали стать шеф-поваром «Серебряной устрицы». А Гаврилов вас не пускал. Держал в тени.

Лицо Коршунова дёрнулось. На скулах проступили желваки.

— Держал в тени — мягко сказано, — глухо проговорил он. — Я ему half своих блюд придумал. Половину меню, которым он гордился, которым хвастался в этих своих интервью, — разработал я. Мои рецепты. Моя голова. Мои руки. А он подавал это как своё. Ни разу — ни единого разу! — не упомянул моего имени. Я для него был никто. Тень. «Подай, принеси, нарежь, а думать тут я буду». — Он сжал кулаки. — Да, я хотел своё место. Хотел быть шефом. Я это заслужил. А он стоял у меня на пути, как скала. И не собирался двигаться. Говорил: «Ты, Коршунов, при мне до пенсии в подмастерьях проходишь, если не научишься язык за зубами держать».

— И вот скала рухнула, — тихо сказал Темнов. — Гаврилов мёртв. Место шефа свободно. Удобно для вас, не находите?

Коршунов замер. До него, кажется, только теперь дошло, к чему клонит следователь. Он побледнел, потом вспыхнул.

— Вы... вы думаете, это я? — выдохнул он. — Думаете, я его... из-за должности? — Он вскочил со стула. — Да вы с ума сошли! Я повар, а не убийца! Я ненавидел его, врать не буду, — но, чтобы ножом, в сердце?!

— Сядьте, Денис Андреевич, — спокойно, но твёрдо произнёс Темнов. — Сядьте и ответьте на простой вопрос. Где вы были позавчера вечером, с десяти часов до полуночи?

Коршунов медленно опустился обратно на стул. Краска отлила от его лица, оставив нездоровую бледность. Он провёл ладонью по волосам, и Темнов заметил, как дрожат его пальцы.

— Дома, — выдавил он. — Я был дома.

— Один?

Повисла пауза — короткая, но красноречивая.

— Один, — наконец ответил Коршунов. — Жена с ребёнком у тёщи гостит, на этой неделе. Я... я был один. Пришёл с работы, поужинал, лёг спать.

— Во сколько ушли с работы?

— Часов в восемь. Может, в половине девятого. Смена закончилась, я и ушёл. Гаврилов оставался — он всегда оставался, колдовал над своими соусами. Я его живым видел последний раз, когда уходил. Он мне вслед что-то язвительное бросил, как обычно. Я даже не обернулся. — Коршунов горько усмехнулся. — Вот и попрощались.

Темнов сделал пометку в блокноте. Алиби нет. Мотив — налицо, и какой мотив: годами копившаяся обида, украденное признание, придавленные амбиции, прямая выгода от смерти. Рост — Коршунов был чуть ниже Гаврилова, как раз вписывался в картину удара. Всё складывалось почти идеально. Слишком идеально, чтобы опытный следователь успокоился.

— Денис Андреевич, у вас есть ключ от служебного входа? — спросил он.

— Нет, — мотнул головой Коршунов. — Откуда? Ключи — у Гаврилова, у администратора, у управляющего да у Снегирёвой. Мне не положено. Я ж говорю — я для него инструмент был, а не доверенное лицо. Ключей мне никто не давал.

— А войти в ресторан вечером, после закрытия, вы могли бы?

— Только если бы Гаврилов сам впустил. — Коршунов помолчал и вдруг невесело хмыкнул. — А он бы меня впустил, как же. Он бы меня и на порог не пустил после восьми вечера. Он своё ночное колдовство свято оберегал. Никого не подпускал, когда новое блюдо изобретал. Боялся, что украдут идею. Параноик был в этом смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.